

Пьер-Алексис
де ПОНСОН дю ТЕРРАЙЛЬ

БАЛ ЖЕРТВ

Понсон дю Террайль

Бал жертв

Серия «Серия исторических романов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21165919
Бал жертв / Понсон дю Террайль: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-6477-5, 978-5-4444-7339-9

Аннотация

Париж, 1796 год. После казни Робеспьера роялисты мечтают вернуть трон Бурбонам и готовят мятеж, который как пожар должен охватить всю страну. Таинственный человек в жилете из человеческой кожи появляется в Париже. Он знает, что полиция Республики давно идет по его следу. Но может ли смельчака остановить такой пустяк, как угроза смерти, тем более что сам этот человек – давно мертвец...

Содержание

Об авторе	5
Пролог	10
I	10
II	20
III	31
IV	42
V	52
VI	62
VII	71
VIII	83
Часть первая	90
I	90
II	105
III	116
IV	125
V	133
VI	143
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Понсон дю Террайль

Бал жертв

Печатается по изданию:

Понсон дю Террайль. Бал жертв. – СПб.

Изд. И.И. Глазунова, 1866 г.

Об авторе

В ночь с 8 на 9 июля 1829 года в альпийской деревушке Монмор, что на юго-востоке Франции, родился ребенок, которому предстояло стать одним из самых удивительных и успешных писателей XIX века. Популярность этого писателя была так высока, что некоторые врачи даже предписывали чтение его романов как средство от головной боли, хотя были и такие, кто испытывал от его книг обратный эффект. Будущий прославленный автор получил от рождения имя столь же длинное, как и бесконечные серии его романов. Звали его Пьер-Алексис-Жозеф-Фердинан де Понсон, но сам он впоследствии решил для благозвучности добавить к фамилии отца еще и фамилию матери, и стал Понсон дю Террайлем.

Детство юного Алексиса, как называли мальчика все родные, прошло в Шато дю Террайль – родовом поместье его деда, кавалера ордена Почетного легиона и обладателя огромной библиотеки романов, к которым будущий писатель пристрастился, как только научился читать. Второй страстью юноши стали бабушкины сказки и старинные легенды. Именно бабушка привила будущему мастеру романов плаща и шпаги любовь к отечественной истории. Когда мальчику исполнилось девять, привольная жизнь на зеленых лугах, в окружении искрящихся на солнце белоснежных гор и всегда проезжающих мимо дилижансов, закончилась. Ро-

дители отправили Алексиса в соседний город Апт постигать науки. Ежедневные занятия спортом и четко разграниченная жизнь в коллеже стали второй натурой юноши и ключом к его поистине феноменальной работоспособности. В тринадцать лет он пишет первые стихи, которые посвящает своей младшей сестре Ортанс. Родители хотели, чтобы сын стал магистратом, но судебская карьера была не по душе Алексису. Очарованный мечтой о дальних странах, юноша решает стать моряком и продолжить свое обучение в Марселе. Но если риторика и философия давались ему легко, то с точными науками было хуже. Особенно плохо было с математикой, на этот предмет у Понсона была стойкая аллергия. Увы, экзамены в мореходное училище он не сдал. Распрощавшись с мечтой об Индии и Америке, семнадцатилетний Алексис не захотел возвращаться к сельской жизни и направился в самое сердце родной Франции.

Прибыв в Париж накануне революционных событий 1848-го, он записался в Национальную гвардию, но быстро разочаровался в военной карьере и переключился на журналистику. Однажды, как вспоминал сам Понсон, в одном романе, публиковавшемся в газете, «я прочитал такие строки: *«Чья была эта рука? Чья была эта голова? Продолжение в следующем номере»*... и вдруг понял, что мой путь найден!». Он решает стать автором остросюжетных романов-фельетонов, то есть романов с продолжением.

Несколько робких попыток, и уже третий роман «Кули-

сы мира» (1851–1852) обращает на Понсон дю Террайля пристальное внимание широкой публики. Далее как из рога изобилия один за другим посыпались захватывающие исторические романы: «Кавалеры ночи», «Оружейник из Милана», «Красные маски», «Бал жертв». Поистине ошеломляющий успех выпал на долю его бесстрашного героя по прозвищу Рокамболь.

Наделенный даром прирожденного рассказчика, работая без секретарей и соавторов, Понсон дю Террайль способен был с ходу строить интриги своих романов так занимательно, что читатели буквально атаковали редакции, требуя продолжения и даже воскрешения полюбившихся героев его книг. В эпоху Наполеона III Понсон дю Террайль стал одним из самых популярных писателей, опубликовавшим за 20 лет своей литературной карьеры более 130 произведений, из которых 80 – многотомные романы.

Мериме зачитывался его книгами, называя их создателя гением, а вот Флобер, награжденный в один день с Понсоном орденом Почетного легиона, презрительно морщился, отказываясь удостоить «автора Рокамболя» высокого звания писателя.

В 1870 году, когда армия Бисмарка нагло вторглась на территорию Франции, Понсон дю Террайль отложил перо и на свои деньги организовал в лесах под Орлеаном партизанский отряд из браконьеров и местных крестьян. Эти вольные стрелки ощутимо досаждали пруссакам. На писателя и его

«шайку» велась безжалостная охота. Однажды пруссаки ворвались в поместье Понсона, замок Рэнри, и, не застав там своего врага, безжалостно поубивали всех охотничьих собак писателя. Немецкий генерал фон Танн приказал сжечь все фермы, в окрестностях которых орудовал отряд Понсона.

Лютые холода и натиск врага вынуждают французскую армию постоянно отступать. Вести о том, что пруссаки бомбардировали Париж и разрушили его любимый домик в Отейле, деморализовали неунывающего Понсона. Прибыв в Бордо, где произошла вспышка ветряной оспы, писатель скоропостижно скончался 20 января 1871 года. Ему было всего 42 года. Сага о Рокамболе, обрываясь на самом интересном месте, так и осталась незавершенной, а ее герой, как и его создатель, стали достоянием вечности.

В. Матющенко

Избранная библиография П.-А. де Понсон дю Террайля:

Бал жертв (Le Bal des victims, 1865)

Сыновья Иуды (Les Fils de Judas, 1867)

Капитан Черных грешников (Le Capitaine des Pénitents noirs, 1869)

Молодость Генриха IV (La Jeunesse du roi Henri, 1859–1869)

Великосветские воры (Les Voleurs du grand monde, 1869–

1970)

Похождения Рокамболя (Les Exploits de Rocambole, 1857–1870)

Пролог

Жилет из человеческой кожи

I

Париж облекался в тот прозрачный туман, который приносит с собою осень. День уже прошел, ночь еще не наступила, и фонари зажигались, будто звезды в небе, затянутом облаками.

Толпа заполняла улицы. Толпа пестрая, странная, занятая, веселая и шумная, толпа, отправлявшаяся на танцы. Тогда танцевали повсюду, танцевали для удовольствия, из необходимости или из чувства долга.

Довольно давно уже Франция стояла по колено в крови, с головой, забитой политическими заботами, с желудком, раздираемым голодом. Франция не хотела более ни трибунов, ни палачей, ни гильотины, ни убийств, а только балов и спектаклей. Настал час реакции, реакции удовольствия! Франция разорилась, но будет танцевать. Отели разрушили, разграбили, сожгли, но Руджиери, великий человек, раскрыл сад Тиволи.

Посмотрите, как бежит эта толпа, еще в трауре, на насмешливых губах которой опять появилась улыбка! Как по-

спешно бежит она смотреть новую пьесу, которую гражданин Сажрэ поставил в Фейдо!

Здесь щеголь в кафтане голубиноного цвета с пуговицами большими, как тарелки, в пестром жилете, в галстукe, доходящем до верхней губы, с кривой тростью, в серьгах, с двумя цепочками у часов, висящими на двух широких, голубой и розовой лентах.

Там с голыми плечами, с газовыми волнами на голове вместо накидки гражданка, никогда не бывшая знатной дамой, но мода и красота провозгласили ее королевой. Посторонитесь! Вот Марион!

Кто такая Марион – вы сейчас узнаете это. Ей восемнадцать лет; губы у нее алые, глаза темные, белые плечи исчезают под густыми локонами роскошных волос, развевающихся на вечернем ветре, у нее гибкий и смелый стан, стройные ножки, изящные руки, задорный смех. Жизнь ее – песня, сердце – ее тайна. Знатные вельможи, еще оставшиеся в Париже, обещают ей разные чудеса; щеголи оспаривают ее друг у друга, но Марион не любит никого... или никто не знает, кого она любит.

Каждый вечер ее видят у дверей театра. Лоток ее висит на шее на ленте, руки обнажены, ноги в белых атласных башмачках. Ее цветы самые лучшие; и зимою и летом у нее есть пармские фиалки. Она продает всем свои цветы. Бывший аристократ, заделавшийся щеголем, заплатит за этот букет двадцать ливров, но бедный приказчик, который хочет уго-

дить гризетке, предложит тридцать су, и Марион удовольствуется этим; она даже улыбнется ему и пожелает успеха, успеха влюбленных, то есть поцелуя, орошенного слезами счастья, смешанного с горестью.

Марион поместилась у ворот Тиволи. Ее красная юбка, вышитая черным, выказывала ее прелестную ногу. На плечи она набросила клетчатый шарф, черный с красным, как ее юбка. Ее прекрасные волосы не имели другого украшения, кроме красной гвоздики, пришпиленной на одной стороне головы. Впрочем, во всякое время года в ее волосах виднелся алый цветок. Простое ли это кокетство или обет – неизвестно, но между многочисленными и несчастными обожателями Марион уже несколько месяцев ходит странная история. Рассказывают, что в один зимний вечер у дверей вокзала к ней подошел молодой человек. Увидев его, Марион вскрикнула, побледнела и отвела его в сторону, но нескромные глаза последовали за ними, видели, как молодой человек распахнул свой сюртук и вынул красную гвоздику, такую же, как та, которую Марион носила в волосах, только она была увядшая. Марион схватила цветок, а ему отдала гвоздику с головы своей, и молодой человек затерялся в толпе.

С тех пор делали тысячу предположений о Марион, но самые страстные поклонники, те, которые больше всех старались ей понравиться, напрасно отыскивали след таинственного молодого человека – его более не видели.

В этот вечер 11 вандемьера толпа теснилась у Тиволи и

щеголи, проходя мимо Марион, опустошали ее лоток. Никогда, быть может, смех молодой девушки не был так весел, а обращение так развязно. Подбоченившись, отвечала она на озорство то одного, то другого своими полупрезрительными, но не оскорбительными словами.

Некий щеголь, небрежно опираясь на свою «исполнительную власть» (так назывались тогда модные трости), купил у Марион за шесть ливров букет фиалок в один су и сказал ей:

– Знаешь ли, что ты напрасно пришла сюда сегодня?

– Почему же, гражданин? – спросила Марион, улыбаясь.

– Тебе было бы лучше в Гробуа, где гражданин Баррас дает великолепный праздник.

– Разве я продам там букеты дороже, чем здесь?

– Нет, но там увидели бы твои прекрасные глаза, твои очаровательные губки, твои волосы...

– Я знаю остальное, – сказала Марион.

Оставив щеголя немного сконфуженным, она подошла к супружеской чете, которая вошла в ворота очарованного сада.

– Мой последний букет, гражданин, мои последние цветы, сударыня... самые красивые! Посмотрите...

Супруги хотели остановиться, но вдруг Марион вскрикнула, отступила на несколько шагов и, взволнованная, бледная, не думала уже продавать свой последний букет.

Среди толпы молодых людей и молодых женщин, толпившихся у входа и спешивших брать билет, Марион увидела

блеск черных и глубоких глаз, черных, как летняя ночь, блестящих, как звезды на восточном небе. Этот взгляд устремился на Марион, и она, вся дрожа, осталась неподвижна.

К ней подошел человек, одетый, не как модные щеголи того времени; на нем не было ни серег, ни чудовищного галстука, ни жилета с блестками. Обутый в сапоги с отворотами, закутанный в серый плащ, в шляпе с широкими полями, он походил скорее на иностранца, на англичанина или на немца, чем на парижанина.

– Вы!.. – сказала Марион с изумлением.

– Ты знаешь, – отвечал иностранец шепотом, – что я являюсь тебе только в те дни, когда ты мне нужна.

– Это правда... монсеньер...

– Ш-ш! Выслушай меня.

– Говорите!

– Ты должна быть сегодня в Гробуа.

– В Гробуа? – повторила Марион. – Но это за четыре лье от Парижа, а скоро семь часов, как же туда поспеть?

– У тебя остался только этот букет?

– Последний.

– Оставь его. Какую цену ни давали бы тебе, отвечай, что он продан.

– Что же мне с ним делать?

– Предложи его женщине, которая проедет здесь через несколько минут в карете-четверке с кучером в желтом казакине. Карета остановится на минуту; ты подойди и пред-

ложи свой букет.

– А потом?

– Дама в карете знает. Прощай... или, лучше сказать, до свидания.

Человек в плаще затерялся в толпе вдали. Марион уже не смеялась, а грустно смотрела на свой букет.

– О, эти мужчины! – прошептала она. – Неужели я вечно буду их невольницей?

Пожилой мужчина, сверкая бриллиантами, перстнями и золотыми цепочками, один из тех поставщиков, которых обогатила оборванная армия республики, пришел торговать последний букет, чтобы предложить его балетной танцовщице, которую он сопровождал.

– Он продан, – отвечала Марион.

– Я заплачу за него вдвое.

– Нет.

– Хочешь десять луидоров?

– Ни десять, ни сто. Что обещано, того назад взять нельзя.

– Если бы я рассуждал, как ты, – сказал поставщик с грубым смехом, – у меня не было бы трех миллионов.

Слеза сверкнула на ресницах Марион, и поставщик отошел без букета. На улице поднялся какой-то шум, слышались удары бичом, крики кучера и лакеев, кричавших, чтоб посторонились, и топот лошадей. В толпе раздался восторженный ропот.

– Вот она! Вот она! – закричали сотни голосов.

Народ столпился около кареты, и лошади были принуждены остановиться. Толпа продолжала кричать:

– Это она! Это она!

– Кто? – спросил один простодушный провинциал.

– Гражданка Тальен, королева красавиц! – отвечал с восторгом один щеголь.

– И прелестнейшая из женщин, – прибавил один юноша, бросившийся к самым колесам кареты, крича «браво!».

Марион растолкала толпу и подошла к дверце.

– Да здравствует гражданка Тальен! – повторяли сотни голосов.

Но, привыкнув, без сомнения, к подобным приветствиям, красавица обвела толпу презрительным взглядом и только слегка кивнула головой. В эту минуту Марион подошла к ней.

– Пожалуйста, купите мой последний букет, – сказала она.

Лишь только цветочница произнесла эти слова, как один из лакеев схватил ее под руки и посадил в карету возле господжи Тальен. В эту минуту кучер и фореитор ударили бичами, лошади рванулись, толпа расступилась, и карета исчезла, как дым. Оторопевшая Марион смотрела на госпожу Тальен; та улыбалась.

– Итак, это вы Марион? – сказала она.

– Я.

– Вы знаете, куда мы едем?

– Нет. Мне приказали... Я повиновалась, – грустно при-

бавила Марион. — Но я не знаю, куда вы меня везете и чего вы ждете от меня.

— Дитя мое, — отвечала любимая султанша гражданина Барраса, — мы едем в Гробуа.

— А! Мне сейчас сказали, что я там смогу дорого продать мои букеты, но у меня букетов больше нет...

— Тем не менее, — заметила госпожа Тальен, нюхая последний букет Марион, — этот вы продадите дороже всех других.

— В самом деле? — равнодушно спросила цветочница.

— Да, дитя мое. Но скажите мне: вы знаете гражданина Каднэ?

Это имя заставило Марион вздрогнуть и побледнеть.

— Знаю ли я его! — отвечала она. — О, конечно!

— Вы его видели сегодня?

— Только что.

— Это он предупредил, что я возьму вас с собою?

— Он.

Пока Марион и госпожа Тальен разговаривали таким образом, карета выехала из Парижа в Шарантонские ворота. Там стоял караул. Карета остановилась, и офицер, начальствовавший над этим постом, сделал обычный вопрос:

— Куда вы едете, гражданки?

— В Гробуа, — отвечала госпожа Тальен, обменявшись с офицером быстрыми взглядами.

— Извините, гражданка Тальен, — продолжал начальник поста, — вы так добры, что не откажете помочь одному бед-

ному человеку.

– Кто он такой и что я могу сделать?

Пока офицер говорил, из караулки вышел человек и подошел к карете. Госпожа Тальен, взглянув на него, подавила крик и закусила губу, чтобы не произнести имени Офицер прибавил:

– Это повар, служащий у господина Барраса; он запоздал в Париж и не знает, как воротиться в Гробуа; он боится потерять место, и если бы вы были так добры, гражданка...

– Я должна взять его под свое покровительство? – спросила с улыбкой госпожа Тальен, опять сделавшись спокойной.

– И позволить ему сесть на козлы, – прибавил офицер.

Госпожа Тальен сделала знак, повар сел возле кучера, офицер поклонился, и карета продолжала свой путь.

Марион и Аделаида Тальен – обе погрузились в различные мысли и не думали продолжать разговор, прерванный начальником поста. Настала ночь. Это была ночь темная, хотя небо было звездное и красноватый блеск каретных фонарей скоро высветил густую занавесь деревьев по обеим сторонам дороги.

– Мы подъезжаем, – сказала Аделаида Тальен.

– А! – произнесла Марион, вспомнив о человеке, который растолкал толпу у Тиволи, чтобы дать ей приказание следовать за госпожой Тальен. Но вдруг мнимый повар, спешивший возвратиться в Гробуа и боявшийся, что его могут уволить, закричал повелительным голосом:

– Стой!

Кучер остановил лошадей. В то же время госпожа Тальен и Марион увидели двух верховых, выехавших из леса и ставших поперек дороги.

II

Марион испугалась, но госпожа Тальен, без сомнения, ожидала этого, потому что осталась спокойна и улыбалась по-прежнему.

– Ах, боже мой! – сказала Марион. – Зачем мы остановились и зачем эти верховые стали поперек дороги?

– Это ничего, – сказала госпожа Тальен, – вы увидите, что это друзья.

Мнимый повар сошел с козел и приблизился к дверце кареты. Почтительно сняв свою синюю шапку, он сказал:

– Извините, что я должен представиться вам в таком виде.

– В самом деле, любезный барон, – отвечала госпожа Тальен, улыбаясь, – надо было очень коротко знать вас прежде, чтобы узнать сегодня.

– Времена такие тяжелые! – прошептал мнимый повар.

– Объясните ли вы мне теперь все эти таинственности?

– И да, и нет.

– Как это, барон?

– Вы получили сегодня утром записку?

– Да; эта записка была подписана вами или, лучше сказать, именем, которое приняли вы.

– Это одно и то же. В этой записке я умолял вас взять в вашу карету Марион.

– Вы видите, что я повиновалась.

– Кроме того, я писал вам, что переодетый друг сядет к вам на козлы у заставы, а другие друзья позволят себе нанести вам визит при въезде в лес.

– Очень хорошо. Значит, другом у заставы были вы.

– А эти всадники – те друзья, о которых я вам говорил.

Марион никогда не видала – по крайней мере ей так казалось – человека, который говорил с госпожой Тальен. Лицо его было совершенно не знакомо цветочнице, но голос, молодой и симпатичный, уже как будто раздавался прежде в ее ушах.

«Где я его слышала?» – спрашивала Марион сама себя.

Мнимый повар, которого Аделаида Тальен вполголоса назвала бароном, приложил указательный и средний пальцы левой руки к губам, слегка раздвинул их и свистнул: верховые тотчас подъехали. Один из незнакомцев стал в кругу света, который очерчивали каретные фонари, и Марион побледнела, узнав его. Это был тот самый человек, который два часа тому назад подходил к ней у ворот Тиволи.

– Каднэ! – прошептала Аделаида Тальен.

Тот, который назывался этим именем и вид которого так сильно волновал Марион, приложил палец к губам и пристально на нее посмотрел. В это время повар-барон говорил госпоже Тальен:

– Опасно видеться с вами в Париже: нас подстерегает – моих друзей и меня – полиция Директории, так что было бы безумством обращаться к вам открыто.

– Объяснитесь, барон.

– Помните то время, когда вас звали мадам де Фонтенэ?

– Я этого не забыла, любезный барон.

– В то время вы дали мне обещание.

– Это правда. Я обещала оказать вам такую услугу, которая только будет зависеть от меня.

– Я рассчитывал на вас, и час оказать мне такую услугу настал...

– Что же должна я сделать? – спросила госпожа Тальен.

– Во-первых, позволить мне взять из вашей кареты сундук, который принадлежит мне.

– Как! – вскричала госпожа Тальен вне себя от удивления. – У меня в карете есть сундук, принадлежащий вам?

– Да.

– Как это странно!

– Нет, я послал его вчера вечером в ваш отель, и ваш слуга взялся положить его в вашу карету.

– Но что такое в этом сундуке?

– Одежда, которая нам понадобится в нынешнюю ночь.

– Эту-то услугу вы требовали от меня, любезный барон?

– Подождите... Вы привезли Марион, хорошенькую цветочницу?

– Вот она, как вы видите.

– Это вторая часть услуги, о которой мы говорили. Вы представите Марион, которую знают все, в великолепные залы Гробуа, где наш роскошный гражданин Баррас вообража-

ет себя французским королем.

Аделаида Тальен улыбнулась и сказала:

– Что дальше?

– В былые времена в той зале не посмели бы представить Марион-цветочницу, но теперь... среди этого странного и пестрого общества, которое называется двором Директории, среди этого странного света, который есть странное соединение общества старого и общества нового, найдут очаровательным появление этой восхитительной девушки в красной юбке, которая отказывается от бриллиантов, которые ей предлагают, и хочет остаться цветочницей.

– В самом деле, я могу вас уверить, что она будет хорошо принята. Меня найдут даже восхитительной за то, что я подумала об этой эксцентричности. Но услуга, о которой вы меня просите, не заключается ли в трех частях?

– Да.

– Посмотрим же третью часть.

– Двое моих друзей и я, – продолжал мнимый повар ироническим тоном, – слышали о чудесных балах гражданина Барраса.

– Они в самом деле очень хороши... Когда я бываю на них, – отвечала госпожа Тальен с кокетливой улыбкой.

– Может быть, на них бывает общество чересчур смешанное, – с насмешкой сказал лжеповар, – но не надо быть слишком строгим относительно этикета. В новом правлении новые и нравы.

– Далее, барон, далее.

– Мои друзья и я очень желаем видеть нынешний праздник.

При этой просьбе, как будто очень простой, Аделаида Тальен смутилась и чуть не вскрикнула.

– Вы с ума сошли, барон! – сказала она.

– Почему это?

– Потому что вы забываете, что вы еще изгнанник.

– Что это за беда?

– Осуждены на смерть...

– А все-таки я жив.

– Если вы будете в Гробуа сегодня, вы найдете там большое общество.

– Надеюсь.

– Вас узнают.

– Клянусь вам, нет! Мои друзья и я во время нашего пребывания в Англии брали уроки у одного английского актера, который великолепно переодевается, и нас сегодня нельзя будет узнать.

– По крайней мере не в этом костюме.

– Конечно. У нас в сундуке, который вы привезли из Парижа, есть платья, которые произведут особый эффект на балу гражданина Барраса, и парики, и бороды, которые переменят нашу наружность.

– Вы хотите, чтобы я ввела вас в Гробуа?

– Нет, не то. Я желал бы просто, чтобы вы приказали при-

нять гостей, которые явятся от вашего имени.

– Любезный барон, – сказала госпожа Тальен задумчиво и с некоторым беспокойством в голосе, – берегитесь!

– Чего?

– Если вас узнают, вас арестуют.

– Хорошо.

– Я буду не в состоянии вас спасти.

– Мы не будем иметь надобности в вас, и вы не скомпрометируете ваше влияние, как оно ни было велико...

– Хорошо, я велю вас принять. Но вы сказали, что вы переоденетесь.

– А то как же?

– На дороге?

– О нет!... У Каднэ и у меня есть в ста шагах отсюда, в чаще леса, очень хорошенькая уборная.

– Какая шутка, барон!

– Я не шучу. Мы наняли домик у дровосека и преобразовали его. Этот черт Каднэ, – продолжал барон, смеясь, – перевез туда духи, мыло и туалетный уксус. Скоро вы сами прочувствуете – мы будем надушены, как завязтые щеголихи.

Пока барон разговаривал с госпожой Тальен, Марион не спускала глаз с человека, называвшегося Каднэ. Он сделал таинственный знак, выражавший: «Что бы ни случилось – не удивляйтесь. Все, что случится, будет происходить по нашей воле и для общего дела, известного вам».

По знаку барона один из лакеев госпожи Тальен открыл ящик кареты и вынул оттуда сундук размером с дорожный чемодан. Барон взял этот сундук и подал Каднэ, который положил его поперек седла, потом барон вскочил на лошадь другого всадника, стоявшего несколько поодаль, и закричал. «До скорого свидания!»

Всадники съехали с дороги в чащу леса, а карета направилась рысью к Гробуа.

* * *

У гражданина Барраса, одного из трех директоров нынешнего правительства, танцевали. Гробуа в этот вечер походил на дворец из «Тысячи и одной ночи». Парк был иллюминирован. Нарядная толпа, жадная до удовольствий, разодетая в газ и шелк, наполняла залы с восьми часов вечера; к парадному подъезду то и дело подъезжали кареты, коляски и даже скромные фиакры. Из всех этих экипажей выходили приглашенные гости в самых разнообразных костюмах, но на всех лицах было как будто облако; говорили шепотом, спрашивали друг друга глазами.

Баррас в блестящем вышитом кафтане, в шляпе с красными и белыми перьями прохаживался по залам с озабоченным видом, потом выходил на террасу прислушиваться к отдаленному шуму. Это потому, что царица праздника еще не приехала. Вдруг послышался стук подъезжавшего экипажа,

все сердца забились, все губы прошептали:

– Вот она!

Из комнат выбежали на двор, а когда карета восхитительной Аделаиды Тальен въехала в большую аллею парка, толпа ринулась со двора на встречу своего кумира, и человек двадцать щеголей принудили кучеров распрячь лошадей. Аделаида Тальен въехала на двор Гробуа, влекомая восторженной молодежью. Она с триумфом входила в залы. Это была не радость, а сумасбродный восторг, и, как будто в театре, ей начали аплодировать, и аплодисменты продолжались несколько минут. Только когда этот энтузиазм стих, заметили, что госпожа Тальен приехала не одна, но она до такой степени привлекла всеобщее внимание, что никто не заметил Марион – даже Баррас, который, однако, сам отворил дверцу кареты. Госпожа Тальен сделала знак, что хочет говорить, и неистовые восклицания, восторженный говор сменились почтительным молчанием. Госпожа Тальен хотела говорить, и все должны были ее слушать. Она обернулась и взяла за руку Марион, которая шла за нею и которой еще никто не видел, и представила ее Баррасу, говоря:

– У вас, наверное, здесь есть много хорошеньких женщин, но нет ни одной прекрасней этой.

– Марион! Марион!

– Это цветочница из Тиволи.

– Это прелестная, несравненная Марион! – кричали сто голосов.

И вся молодежь захлопала в ладоши и окружила Марион, взволнованную и краснеющую, крича ей «браво!».

— Гражданин директор, — продолжала госпожа Тальен, — вот последний букет Марион; он для вас.

Баррас взял букет из рук Марион и подал госпоже Тальен, которая заткнула его за пояс. Странное дело — если подумать о популярности, которой пользовалась Марион, и что Баррас никогда ее не видел; еще страннее то, что директор невольно вздрогнул, увидев Марион, точно эта женщина, еще пока не известная, должна была иметь влияние на его судьбу.

— О, какое прелестное создание! — прошептал он на ухо Аделаиде Тальен.

Аделаида, все держа Марион за руку, взяла под руку Барраса и увлекла его в маленькую гостиную, откуда толпа поспешила выйти. Обожатели госпожи Тальен были столько же скромны, сколько пламенны, и умели удаляться от своего кумира, желавшего говорить наедине с Баррасом. Оркестр, на время умолкнувший, опять принялся за свое дело, и танцы продолжались. В это время Аделаида Тальен говорила директору:

- Как принимают ваших гостей у ворот замка?
- Я... не знаю, — отвечал Баррас, не поняв вопроса.
- Вероятно, не пускают никого без билетов?
- Да, я разослал приглашения всем. Но зачем вы спрашиваете меня об этом?
- Трое моих друзей желают видеть ваш праздник, а вы их

не пригласили.

Баррас поднес руку госпожи Тальен к своим губам.

– Разве ваше имя не отворяет все двери? – сказал он.

– Без сомнения, но все-таки надо дать приказания, любезный директор.

Она улыбнулась ему, как женщина, знающая власть своей красоты, но озабоченный Баррас все смотрел на Марион. Она произвела на него странное впечатление, хозяина праздника вдруг охватило какое-то совершенно необъяснимое оцепенение. Однако он сказал:

– Скажите мне имена ваших друзей, и я прикажу.

– Их имена? – повторила Аделаида Тальен, вздрогнув.

– Конечно.

Марион побледнела и сделала судорожное движение, но Аделаида Тальен продолжала улыбаться и отвечала:

– Нет, любезный директор, это невозможно – мои друзья хотят сохранить инкогнито.

Баррас нахмурил брови.

– Это, точно, ваши друзья? – спросил он.

– Конечно.

– Вы мне ручаетесь за них?

Этот вопрос заставил Аделаиду Тальен задрожать в свою очередь.

– Как вы это говорите мне? – прошептала она.

– Я сегодня утром получил безымянную записку, – отвечал Баррас, – в которой меня предупреждали, что меня хо-

тят убить.

– О! – вскричала Аделаида Тальен, и сердце ее сильно забилося.

Но она не имела времени протестовать против этих слов Барраса, потому что в соседней зале раздался большой шум и опять начали аплодировать, точно приехала вторая Аделаида Тальен. Человек, не известный никому, вошел и вызвал всеобщее веселье оригинальностью своего костюма.

III

Новоприбывший был облачен в трико телесного цвета, разрисованное всевозможными аллегорическими фигурами и рисунками. Вместо того, чтобы явиться, как обыкновенное существо, на двух ногах он вошел на четвереньках. Дойдя до середины большой залы, он встал на голову и замер в совершенной неподвижности, продолжавшейся несколько минут. Это-то и возбудило всеобщую веселость.

Это противоестественное положение не позволяло никому узнать его, если бы даже его кто-нибудь и знал, поскольку лицо этого чудака было закрыто рыжими волосами, позволявшими видеть только кончик носа.

Когда он доказал свой талант клоуна, он опять пошел на четвереньках, быстро обошел две-три залы и наконец вошел в маленькую гостиную, где директор Баррас разговаривал с госпожой Тальен и смотрел на Марион; там он встал на ноги прямо перед директором. Баррас смотрел на него с удивлением, смешанным с веселостью, потому что он обратил внимание только на рыжий парик и на физиономию странного гостя, выпачканную желтой, черной и синей красками. Дикарь наклонился и сказал директору.

— Я назвал госпожу Тальен вашим людям, и они впустили меня.

Звук этого голоса не оставил никакого сомнения в госпо-

же Тальен.

– Это один из трех друзей, о которых я вам говорила, – сказала она Баррасу.

Директор, искренне смеявшийся при виде дикаря, совершенно успокоился. «Я имею дело с комиком, – подумал он. – И, кажется, он вовсе не похож на убийцу».

Марион сделалась еще бледнее, потому что в этом переодетом незнакомце она узнала Каднэ, то есть человека, шепнувшего ей несколько слов у ворот Тиволи. Каднэ поклонился Баррасу и сказал:

– Гражданин директор, я убежден, что вы испытаете чрезвычайное удовольствие, рассматривая мою татуировку.

И он самодовольно провел пальцами по рисункам, украшавшим его трико.

– Охотно, – отвечал Баррас, сначала приметивший только кучу голов и карикатур.

Блуждающий взгляд Барраса неожиданно остановился в области груди этого чудака, и директор не смог сдержаться от невольного крика удивления и гнева: на груди Каднэ была изображена гильотина, исполнявшая свою обычную работу. Тут были все: палач со своими помощниками, народ, толпившийся у подножия эшафота, и осужденный, с отуплением смотревший на палача. Под этим восхитительным рисунком было подписано крупными буквами:

СМЕРТЬ МАРКИЗА ДЕ ФОНТАНЖА.

Баррас прочел эти слова и нахмурил брови, но он не успел

иначе выразить свое мнение, потому что человек, называвшийся Каднэ, обернулся и показал свою спину, как показывал грудь.

– Вторая картина! – сказал он.

Эта вторая картина представляла революционный трибунал со скамьей подсудимых, адвокатом, исполненным безразличия, и со страшным публичным обвинителем. У подножия трибунала молодая женщина опиралась на плечо старика. Под этим вторым рисунком также были подписаны слова:

ОСУЖДЕНИЕ ГРАФА ДЕ СОМБРЕЙЛЯ.

– Милостивый государь, – с гневом сказал Баррас, – мы уже живем не во времена террора, и я нахожу, что ваш костюм очень в дурном вкусе.

– Гражданин директор, – отвечал Каднэ, – я очень желал бы, чтобы, прежде чем вы будете отвечать, вы потрудились все рассмотреть в подробности.

Он показал ему свои руки, ноги и плечи, все это было татуировано. Там виднелись попеременно голова Робеспьера и бюст Маро, фригийский колпак и слова карманьолы. Название каждой фигуры, каждого предмета были написаны внизу.

– Теперь, гражданин директор, – сказал Каднэ, – я отвечу на ваш упрек.

Аделаида Тальен была несколько взволнована, Марион бледна. Баррас засунул руку за жилет и принял позу почти угрожающую.

– Любезный директор, – продолжал Каднэ, – я знаю, почему вы нахмурили брови; признайтесь, что вы меня принимаете за убийцу.

– Милостивый государь!..

– Однако вы видите, что в этом костюме невозможно спрятать ни малейший кинжал, а в руках у меня нет пистолетов. Итак, успокойтесь. Единственное оружие, которым я вооружен против вас, это богиня, такая же открытая, как и я, и зовется она истиной.

– А! Вы хотите поведать мне истину? – с иронией спросил Баррас.

– Подождите, гражданин директор, вы увидите, что я переверну пословицу.

– Как это? – спросил Баррас.

– Мертвец будет говорить истину живому.

– Мертвец?

– Да, я.

Аделаида Тальен и Марион с беспокойством переглянулись, Баррас невольно сделал шаг назад, но Каднэ продолжал:

– Да, любезный гражданин директор, я умер вот уже четыре года, я был гильотинирован в октябре тысяча семьсот девяноста третьего.

Баррас не отвечал прямо Каднэ, а посмотрел на госпожу Тальен и сказал:

– Я не знал, что у вас есть сумасшедшие друзья.

Аделаида Тальен, волнение которой возрастало, не отвечала. Каднэ продолжал:

– Когда я был жив, меня звали маркиз де Каднэ. Я был владельцем небольшого поместья в Провансе, что за милю от Дюранса и в пяти милях от Экса. Революция застала меня в звании кавалерийского корнета. Я сначала эмигрировал, потом тоска по родине в соединении с тоскою любовной овладела мною, и я вернулся во Францию. Я въехал в Париж ночью, поместился у моего бывшего камердинера, к которому имел полное доверие и который на другой же день донес на меня. Я был арестован, судим, осужден и казнен в один день.

– Да это сумасшедший! – вскричал Баррас.

– Нет, гражданин директор, – продолжал Каднэ, – и я докажу вам, что я в полном рассудке и что я говорю правду.

Баррас пожал плечами. Нисколько не смущаясь, Каднэ продолжал:

– Я видел сейчас, входя сюда, человека, который хорошо знал меня живого.

– А! Неужели? – сказал Баррас насмешливым тоном.

– Это Дюфур, бывший поставщик, толстяк, заседавший в революционном трибунале. Он меня узнает, потому что он находился в числе тех, которые осудили меня.

– Милостивый государь, – сказал Баррас, слегка топнув ногою, – вы пришли ко мне забавляться – это очень хорошо, но я был бы крайне признателен, если бы вы сократили эту мистификацию.

– Вы увидите, что я совсем вас не мистифицирую! – вскричал Каднэ. – Мой добрый друг Дюфур, подите сюда на минутку!

Каднэ обращался к человеку, который переходил в эту минуту в соседнюю залу и остановился на пороге той комнаты, где находились Баррас и госпожа Тальен.

Это был толстяк с красной физиономией, подбородком в три этажа, с улыбающимися глазами, с перстнями на всех пальцах, с бриллиантами во всех перстнях, с бриллиантами на рубашке и на сюртуке.

– Черт побери! – закричал ему Каднэ. – Вы выглядите, как голкондский рудник, любезный Дюфур!

Гражданину Дюфуру, бывшему поставщику армий и судье революционного трибунала, было так лестно быть допущенным в группу, центр которой составляла госпожа Тальен, что он поспешил подойти. Он посмотрел на Каднэ, лицо которого было также татуировано, как и тело, и не мог удержаться от смеха.

– У вас хорошая память, гражданин Дюфур? – спросил Каднэ.

– Превосходная, – отвечал бывший судья.

– Помните ли вы людей, которых судили при вашем участии?

Дюфур сделал гримасу. Он подумал, что дикарь хочет его мистифицировать, но тот, положив руку на его плечо, спросил:

– Вы помните маркиза Каднэ?

– Ах! Да... Он был осужден.

– Вы это знаете наверное?

– Еще бы! Осужден и казнен; я видел, как он шел на эшафот.

Каднэ обернулся к Баррасу с торжествующим видом.

– Вы видите? – сказал он.

– Вижу, – отвечал Баррас, – что маркиз Каднэ был казнен и что, следовательно, это не вы.

– Я.

– Я очень хорошо помню этого молодого человека, – наивно сказал Дюфур.

– Вы узнали бы его, если бы он вышел из могилы?

– К несчастью, так не бывает, – сказал бывший поставщик.

– Все равно, я настаиваю на этом и спрашиваю вас: узнали бы вы его?

– У меня черты его в памяти, как будто я вижу его перед собой.

Каднэ обернулся к Баррасу.

– Гражданин директор, – сказал татуированный, – терпение есть добродетель людей, управляющих народами... Будьте терпеливы до конца.

Эта лесть разгладила лоб Барраса.

– Чего хотите вы от меня, господин выходец с того света? – спросил он.

– Губку и воды, – отвечал Каднэ.

– Для чего?

– Вымыться для того, чтобы гражданин Дюфур меня узнал.

В то же время он положил руку на плечо Марион.

– А вот эта хорошенькая девушка мне поможет, – сказал он.

Баррас слушал с изумлением. Самоуверенность этого человека, который выдавал себя за мертвеца и требовал губку и воды, как живой, сбивала с толку директора, однако он сказал ему, указывая на дверь:

– Войдите в мою уборную, вы найдете там то, что спрашиваете.

Каднэ взял за руку Марион и увел ее, прежде чем госпожа Тальен, Баррас и Дюфур успели ему воспротивиться.

– Странного человека представили вы мне! – сказал Баррас госпоже Тальен.

Молодая женщина еще не опомнилась от впечатления, которое произвело на нее представление Каднэ.

– Любезный директор, – сказала она Баррасу, – уверяю вас, мой друг – очень любезный молодой человек, несмотря на свою татуировку.

– Скажите же мне его имя.

– Маркиз де Каднэ.

– Как! И вы о том же?

– Я всегда его знала под этим именем.

– Но маркиз де Каднэ умер! – вскричал Дюфур. – Я сам

его осудил...

– Стало быть, он спасся...

– Нет, я знаю наверняка, что его гильотинировали.

– Стало быть, это другой Каднэ! – сказала госпожа Тальен.

– С каких пор вы знаете его?

– С 1792-го.

– Все это довольно странно! – прошептал Баррас. – И мне любопытно знать...

– Вот он возвращается, – сказала, улыбаясь, госпожа Тальен.

Гражданин Каднэ заперся с Марион в уборной директора Барраса. Марион была бледна, как смерть, и зубы ее стучали.

– Ну, – сказал Каднэ, наливая воды в таз, – что ты думаешь о моем приезде сюда?

– Жорж... Жорж... – прошептала Марион, сложив руки, – и вы также хотите умереть?

– О! Я ничего не боюсь...

– Берегитесь, – пролепетала она с возрастающим ужасом, – революция еще не кончилась. Везде танцуют, и я продаю цветы, но много еще голов падет.

– Моя крепко держится.

– И он также это говорил...

Каднэ увидел слезу на бледной щеке молодой девушки.

– Бедная Марион! – сказал он. – Но погоди, час мщения близок, и мы отомстим за него.

– О! Я боюсь... Я боюсь... – прошептала цветочница.

– Хорошо, но повинуйся.

Эти три слова были произнесены Каднэ со смесью доброты и твердости. По тону его голоса можно было угадать, что он абсолютный властелин этой женщины. Марион наклонил голову.

– Что надо делать? – спросила она покорно.

– Там сегодня танцуют.

– А! – сказала Марион, вздрогнув.

– И мне хотелось бы отвезти туда человека, который не ожидает приглашения.

– Кто этот человек?

– Баррас.

– Он! – прошептала Марион с ужасом. – Палач среди жертв!

– Наступает иногда час, когда палач боится и раскаивается в пролитой крови. Но слушай: твоя красота произвела на него сильное впечатление... Он самонадеян, этот любезный директор, и воображает, что все женщины должны в него влюбляться... Он, наверно, будет ухаживать за тобой нынешнюю ночь.

Марион чуть заметно пожала плечами.

– И если он попросит у тебя свидания в парке, ты должна согласиться.

– Я?

– Да.

– Но... Что же случится? О, Боже!

– Ничего, мы будем там.

Говоря таким образом, Каднэ смывал красную, черную и синюю краски, которые покрывали его лицо, и явился белым и румяным двадцатипятилетним, молодым человеком.

– Пойдем, – сказал он.

Они опять пришли в гостиную, где оставили Барраса с госпожой Тальен и с поставщиком Дюфуром. Последний вскрикнул и отступил с трепетом.

– Это что такое?

– Это он! – сказал поставщик, зубы которого стучали от ужаса.

– Кто он?

– Маркиз де Каднэ.

Тогда Каднэ посмотрел на Барраса и сказал холодно:

– Вы видите, что мертвецы возвращаются с того света.

IV

Пот выступил на лбу Барраса. Бывший граф де Баррас, отставной кавалерийский капитан во французской индийской армии, дворянин из старинной фамилии, бывший депутат в Национальной конвенции, а теперь первый директор, то есть почти король, был очень красивым высоким мужчиной.

У него были черные умные и несколько меланхолические глаза, открытый лоб, толстые, чувственные губы и прекрасные белые зубы. Ему было сорок шесть лет, но, несмотря на бурную политическую и частную жизнь, исполненную удовольствий, Баррас не выглядел на свои годы. Впрочем, он теперь пренебрегал любовными интригами для интриг политических, и шепотом поговаривали, что свирепый республиканец, возвращаясь к идеям детства, к кумирам своей молодости, мечтал о роли генерала Монка, восстановившего престол Карла II Английского. По крайней мере гражданин Баррас восстановил удовольствия, и весь Париж этому был свидетелем. У него неистово танцевали, ему кланялись на улице с энтузиазмом. Он был кумиром светской молодежи, по этому самому он не был расположен к упрекам за прошлое и с тех пор, как находился во главе Директории, старался всеми возможными способами изгладить воспоминание о кровавой эпохе, которую называли эпохой террора. Когда Каднэ сказал, что хочет поведать ему истину, Баррас рассердился.

Гражданин директор хотя и был южанином, но не был суеверен. Услышав, как Дюфур закричал, что Каднэ – тот самый человек, который был казнен, он тотчас сказал себе, что поставщика обманывает какое-нибудь странное сходство. Однако, как мы сказали, пот выступил на лбу Барраса, и сердце у него забилося, когда он очутился лицом к лицу с человеком, который хотел открыть ему истину. Но Каднэ, без сомнения, передумал, потому что сказал:

– Я желаю иметь с вами небольшой разговор, гражданин директор, но несколько позже...

– Когда же?

– Этой ночью... Теперь ваш праздник только что начался... Вас призывает обязанность хозяина... А я буду ухаживать за дамами.

– Это он! Это он! – повторил Дюфур с испугом.

Баррас опять пожал плечами, а Каднэ поцеловал руку госпожи Тальен, обменялся быстрым взглядом с Марион, потом исчез в толпе, опять принявшись за свои штуки и вызывая повсюду хохот.

Баррас задумался, но, когда Каднэ исчез, он вздохнул свободнее и посмотрел на Марион. Красота цветочницы имела что-то резкое, поражавшее сердце. Взгляд ее проникал в глубину души, и Баррас тотчас поддался очарованию.

– Кажется, сердце любезного директора воспламеняется от прекрасных глаз Марион?

Дюфур хотел протестовать против мнения госпожи Та-

льен, но та остановила его, взяв за руку и говоря:

– Обойдемте залы.

Госпожа Тальен хотела избегнуть, по крайней мере, на это время, всякое объяснение с Баррасом о Каднэ. Баррас не удерживал ее; он был занят Марион, принудил ее взять его под руку и с торжеством прохаживался с нею между своих двух тысяч гостей.

– Эге! – говорил один щеголь, увидев их. – Эта Марион – хитрая штучка! И, отказываясь от наших предложений, она знала, что делала.

– Вот еще! – сказал другой.

– Конечно. Разве ты не видишь, друг мой, что директор Баррас уже без ума от нее?

– Это очень жаль! – говорили в другой группе. – Марион продавала такие славные букеты!

Баррас видел, что толпа с улыбкой расступалась перед ним.

– Счастливый директор! – вздыхали все те, которых отвергла цветочница Марион.

Баррас вышел из комнаты на террасу, потом спустился со ступеней крыльца в парк.

– Директор делает в любви быстрые успехи, – перешептывались несколько голосов.

В глазах всех граждан Баррас уже одержал победу над Марион. Она, вся бледная и взволнованная, позволяла ему увлекать себя.

– Итак, моя красавица, – говорил любезный директор, который отвел Марион в темную и почти пустую аллею, – вы цветочница?

– Да... гражданин.

– Ремесло бедной девушки, мой ангел!

– Бедной девушки, которая живет только трудом, гражданин.

– Отель, экипаж, бриллианты и кружева лучше пошли бы к вам, чем лоток, моя красавица.

Марион вздохнула. Баррас иначе понял этот вздох и продолжал более настойчивым тоном:

– Если бы вам предложили все это?..

Но Марион вдруг выдернула свою руку, которую нежный директор тихо пожимал, и отвечала:

– Я не продаю себя, гражданин!

– Фи, какое гадкое слово!

– И вам пришлось бы заключить со мной плохую сделку, гражданин: мое сердце так было истерзано когда-то, что оно уже не имеет сил любить.

– Полноте, дитя мое! Любовь, как феникс, возрождается из пепла.

– Когда пепел не был развеян по ветру. Не говорите мне о любви, гражданин, я слепа и глуха.

– Я постараюсь возратить два чувства, недостающие у вас: зрение и слух.

Он снял с пальца великолепную бирюзу, осыпанную ру-

бинами, и надел ее на палец Марион. Цветочница испугалась и хотела бежать, но вспомнила приказания Каднэ. А так как она повиновалась этому человеку, никогда не оспаривая его воли, она позволила Баррасу отвести себя к скамейке в саду, на которую он усадил прекрасную цветочницу, а сам галантно стал на колено перед нею. Но директор не успел ни поцеловать руки Марион, ни возобновить своих искусительных предложений, как два человека, прятаясь за деревом, бросились на старого повесу и схватили его. Баррас закричал, но за этим криком не последовал другой, потому что ему завязали рот, в то же время один из этих двух неизвестных свистнул, и третий явился к ним на подмогу. Марион вскочила с испугом, но не закричала. Нападение, жертвою которого сделался директор, было так неожиданно, что он не мог употребить свою геркулесовскую силу. Баррас был связан в одно мгновение, потом один из троих похитителей взвалил главу Директории на плечи, как ребенка, и напрасно вырывавшийся Баррас был вынужден «исчезнуть» в самой густой части парка Гробуа. Марион последовала за похитителями. В это время в замке и на лужайках все танцевали. Праздник продолжался во всем своем великолепии.

В считанные минуты похитители достигли границы парка. Тогда парк Гробуа был окружен только живым забором сорвом; на противоположной стороне рва шла проселочная дорога, соединявшаяся с большой. В живом заборе был пролом, похитители прошли в него. Ров был широк, но таин-

ственные визитеры сильно спешили и преодолели преграду буквально одним скачком. На дороге стояла карета, запряженная двумя почтовыми лошадьми; один из похитителей отворил дверцу, и Баррас, задыхаясь, с завязанным ртом, был брошен в карету. Один из троих водрузился на козлы, другой сел по правую руку Барраса, третий – по левую, а Марион села напротив. При свете фонарей директор приметил, что эти трое были в масках и в широких плащах. Директор вспомнил безымянное письмо, которое он получил утром и в котором его предупреждали, что его хотят убить.

«Я погиб!» – подумал Баррас. Но он был храбр, и ему хотелось умереть достойно.

Все это совершилось без шума, и никто из троих похитителей не проронил ни слова. Как только дверца затворилась, возница стегнул лошадей, и карета понеслась. Один из похитителей выхватил из-за пояса кинжал. Луч от фонаря, упавший на лезвие, заставил сталь бросить искру. Баррас вздрогнул.

– Милостивый государь, – нарушил молчание похититель, – теперь вы можете кричать, вас не услышат. А так как мне нужно поговорить с вами, вам развяжут рот.

Директор узнал голос Каднэ. Сообщник этого последнего тотчас развязал платок.

– Ах ты негодяй!.. – вскричал Баррас.

– Ш-ш! – остановил его Каднэ. – Не бранитесь, или, клянусь честью дворянина, я воткну вам в грудь эту вещицу.

– Меня предупреждали... – прошептал Баррас. – Я должен был остерегаться... Вы хотите меня убить?

– И да, и нет. Да, если вы будете сопротивляться... Нет, если вы покоритесь обстоятельствам.

– Какие же это обстоятельства? – с насмешкой спросил Баррас.

– Любезный гражданин директор, – возразил Каднэ, – до Парижа нам предстоит довольно большая дорога, и я подумал, что вежливость требует освободить вас от этих веревок. Но вынужден заметить, что, если вы попытаетесь бежать, мы должны будем прибегнуть к крайним средствам.

Когда с Барраса сняли веревки, Каднэ продолжил:

– Ну а теперь побеседуем.

– Охотно, – презрительно сказал Баррас.

Директор был человек хладнокровный и понял, что всякое сопротивление будет бесполезно.

– Я вам говорил, что мы едем в Париж, – продолжал Каднэ.

– Неудачное вы выбрали время, – с насмешкой заметил Баррас.

– С первого взгляда – да, потому что мы увезли вас с праздника, который вы даете...

– И, конечно, мое отсутствие будет скоро замечено.

– Вы думаете? – с иронией спросил Каднэ.

– И полиция догонит нас и освободит меня.

Из-под маски Каднэ послышался смех.

– Послушайте, господи, – сказал Баррас, – в эту самую минуту вы сильно рискуете своими головами.

– О! Мы это знаем.

– Вы хорошо сделаете, если убьете меня сейчас.

– Нет, – сказал Каднэ.

– Раз так, то я буду освобожден...

– Кем?

– Полицией.

– Полиция, любезный директор, занимается политическими делами, а не вашими любовными интригами.

– Моими любовными интригами?

– А то как же?

– Ах вот вы как считаете?! – задыхаясь от бешенства, прошептал Баррас.

– Ведь вы ушли с бала под руку с Марион.

– Это правда.

– Что же в этом удивительного в самом деле, что гражданин директор увлекся на несколько часов прелестной цветочницей? И увел он ее в таинственное убежище. Думаю, вы понимаете, что полиция не станет беспокоиться из-за такой безделицы.

– О! Ну а в конце-то концов...

– Когда же полиция займется вами и нами, мы, возможно, уже пойдем друг друга.

– Но кто же вы?

– Вы это узнаете после.

– И вы меня везете в Париж?

– Да.

– Для чего?

– Мы везем вас на бал, потому что мои друзья и я рассудили, – сказал с насмешкой Каднэ, – что нам следует вознаградить вас за лишение.

– Милостивый, государь, – надменно сказал Баррас, – вы уже сегодня наговорили мне довольно много пошлых шуток.

– Я никогда не шучу. Мы везем вас на бал – это чистая правда.

Баррас погрузился в свирепое молчание, и люди в масках больше не старались его разговорить.

Лошади скакали во весь опор. За полтора часа они проехали расстояние, отделяющее Гробуа от Парижа. Карета остановилась у Шарантонской заставы.

– Гражданин директор, – сказал Каднэ, – будьте так любезны, назовите себя с улыбкой начальнику поста и не будьте так безрассудны, чтобы звать его на помощь, потому что вы умрете прежде, чем он отворит дверцу.

Баррас был храбр, но он рассудил, что подвергаться верной смерти совершенно бесполезно, и назвал себя офицерам поста, которые, приметив женщину в карете, переглянулись, улыбаясь, и подумали, что директор едет на любовное свидание.

Карета поехала дальше и остановилась на том месте, где раньше была Бастилия.

– Приехали? – спросил Баррас.

– Нет еще.

– Зачем же мы остановились здесь?

– Чтобы исполнить небольшую формальность.

Каднэ вынул из кармана носовой платок.

– Вам надо завязать глаза.

– Но...

– Если только, – холодно прибавил Каднэ, – вы не предпочитаете ночевать в Сене, куда мы отнесем тело, если будем вынуждены превратить вас в труп.

Баррас дал завязать себе глаза, и карета продолжала путь; она ехала еще с час по неровной мостовой тогдашнего Парижа, потом Баррас услышал звук, позволивший понять, что карета въехала под свод; через минуту экипаж остановился, тогда Каднэ взял Барраса за руку и заставил его выйти.

– Мы приехали, – сказал он.

Директор почувствовал вокруг себя теплую атмосферу и услышал смутный шум, между тем как свет чуть проникал сквозь его повязку. Каднэ снял с него повязку, и Баррас был буквально ослеплен потоками света, принудившими его на минуту закрыть глаза.

V

Когда Баррас открыл глаза, он бросил вокруг удивленный взгляд.

Директор находился в обширной зале кругообразной формы, освещенной люстрами и канделябрами. Стены были выкрашены красной краской и обставлены скамейками того же цвета. На этих скамейках сидели женщины всех возрастов, но по большей части молодые и прекрасные, в безукоризненных бальных нарядах. Только Баррас был поражен, что у каждой на шее был красный шнурок, обрисовывавший черту, подобную той, которую произвела бы гильотина, если бы отрубленная голова могла опять занять свое обычное место на плечах.

Перед этими женщинами почтительно стояли кавалеры, одетые по последней моде, но без огромного галстука, только что вошедшего в употребление, а, напротив, с открытой шеей. Так же, как и у женщин, у них на шее виднелся красный шнурок – кровавый знак гильотины; кроме того, на лицах у них были маски.

В глубине залы безмолвный оркестр ждал сигнала. Каднэ наклонился к уху Барраса и сказал:

– Только вас ждали, чтобы начать.

– Но где же я? – спросил директор.

– На бале, как вы видите.

- Но... эти замаскированные мужчины... и эти женщины?
- Это обыкновенное общество.
- Кто они?

– Вы видите эту красную метку на шее у мужчин и у женщин?

– Да.

– Это условный знак, необходимый для того, чтоб быть допущенным.

– Что это значит?

– Что гильотина сделала свое дело. Этот бал называется *Балом жертв*.

Баррас вздрогнул.

– Полиция говорила мне об этом бале, – сказал он.

– Она пыталась обнаружить место его проведения?

– До сих пор без особого успеха.

– В самом деле, хотя он проводится каждую неделю. А поскольку бал этот каждый раз дается в другом месте, ваша полиция, любезный директор, так не и смогла никого заставить его отменить.

– Ах вот как! – прошептал Баррас, несколько растерявшись. – Значит, это и есть Бал жертв?

– Да. И чтоб быть допущенным на него, надо лишиться родственника на эшафоте: отца, жены, брата или сестры...

Баррас наклонил голову и не сказал ни слова. Может быть, в эту минуту глава Директории, срубавший топором это дерево с многочисленными ветвями, которое называлось

французским дворянством, вспомнил о своем происхождении и говорил себе, что все эти люди, находившиеся перед его глазами, прежде были для него свои, он был одного звания с ними, и он почувствовал необъяснимое и горькое чувство стыда. Каднэ, по-видимому, не заметил этого и, взяв Барраса за руку, сказал:

– Пойдемте, любезный директор, я представлю вас дамам.

– Нет! Нет! – сказал Баррас с ужасом. – Я не хочу!..

– Хорошая шутка! – с насмешкой сказал Каднэ.

– Зачем я здесь?

– Вы приехали на бал.

– Но... я не имею... никакого права.

– Вы ошибаетесь.

Сквозь прорези в маске Каднэ бросил на него холодный взгляд.

– Вы так же, как и все мы, лишились кого-то во время террора.

– Я?

– Вы забыли вашего дядю, кавалера де Барраса, убитого в армии Конде... в то время как его племянник обрекал на смерть короля.

– Он не был гильотинирован по крайней мере.

– Но ваша тетка была в Оранже.

Баррас вздрогнул и потупил глаза.

– А д'Ориоль – ваш кузен и мой... ведь мы с вами несколько сродни, любезный директор...

– А! Это правда, я помню ваше имя.

– Каднэ к вашим услугам.

– Вы все уверяете, что были гильотинированы?..

– Я – нет, но вот мой старший брат, на которого я так похож, что этот добряк Дюфур ошибся.

– Скажете ли вы мне, кузен, – продолжал Баррас, мало-помалу обретавший хладнокровие, – зачем вы привезли меня сюда?

– Скоро скажу. Но пойдемте же, я представлю вас дамам.

Баррас позволил себя вести, и Каднэ подвел его к женщине, еще довольно молодой, чудной красоты, которая вместо одного красного шнура на шее имела три.

– Граф де Баррас, – сказал Каднэ, представляя директора тоном, который был бы уместен в Версале еще каких-то лет десять назад.

Как только Баррас взглянул на эту женщину, он побледнел и отступил назад.

– Лора! – сказал он.

Красавица грустно улыбнулась.

– Давно мы не виделись, Поль, – сказала она.

Тон ее был печален и кроток, и у Барраса подогнулись ноги.

– Я имела много несчастий, любезный Поль, – продолжала она, – в те двадцать лет, которые прошли после нашей разлуки. Вы, наверное, не забыли времени нашей молодости: мне было шестнадцать, а вам двадцать шесть; вы вступили

в гвардейский полк, а я вышла из Сен-Сирского монастыря; тогда вы меня любили и мы должны были обвенчаться.

Баррас судорожно провел рукой по лбу.

– Ради Бога, Лора, – сказал он, – не навешивайте мне воспоминаний – увы! – слишком жестоких.

– Напротив, любезный Поль, – сказала та, которую он называл Лорой, – позвольте мне рассказать вам мою печальную историю. Когда наш брак был разорван неумолимой волей вашего дяди, я вышла за маркиза де Валансолля. Это был человек благородный, он старался сделать меня счастливою. Время смягчает душевные горести, любезный Поль. Я все еще вас любила, но наконец почувствовала к маркизу нежную привязанность. У меня были два сына от моего брака, два сына-близнеца...

Тут голос маркизы де Валансолль изменился; она прибавила:

– Может быть, вы знаете, что случилось с моим мужем?

– Маркиза... Маркиза... – пролепетал Баррас, лоб которого был покрыт потом.

– Муж мой был поручиком в полку французских гвардейцев; сыновьям моим было шестнадцать лет в 1793-м. Все трое скрывались на улице Пти-Карро и ждали там паспортов, которые были им обещаны. Они были арестованы... Вы угадываете остальное, любезный Поль: я жена без мужа, мать без детей.

Баррас не слышал более, Каднэ увел его, говоря:

– Пойдемте! Пойдемте! Вы встретите много других знакомых.

Баррас был вне себя; он чувствовал, что глаза всех были устремлены на него с каким-то презрительным любопытством. По мере того как он шел по зале под руку с Каднэ, мужчины замаскированные сторонились и как будто боялись его прикосновения, словно ядовитой гадины. Но вдруг один из них встал прямо перед ним и сказал добродушным тоном:

– Здравствуйте, граф.

Баррас вздрогнул при звуке этого голоса. Говоривший был замаскирован, но сквозь его маску директор уловил взгляд, сверкнувший ненавистью и злостью.

– Ты меня не узнаешь?

– Я, вероятно, никогда вас не видел.

– Ты ошибаешься.

– Во всяком случае, мне трудно вас узнать сквозь маску.

– Я покажу тебе мое лицо.

Незнакомец снял маску. Глава Директории устремил пылкий взгляд на человека, который говорил ему «ты» и называл графом.

– Машфер?! – удивился Баррас.

– Он самый, любезный мой гражданин директор!.. Ах, нет, ошибаюсь, мне следовало бы сказать – мой дорогой крестный, не правда ли? Ты крестил меня тридцать два года назад, тебе было тогда четырнадцать лет, в церкви прихода нашей родины. Наши отцы были друзьями, но ты позво-

лил гильотинировать моего, любезный граф. Я даже не стану верить, что ты сам написал его имя в списках осужденных.

– Это неправда! – вскричал Баррас.

– Ты помнишь мою сестру, граф?

– Вашу сестру?

– Да, мою сестру Элен. Ты видел ее ребенком, ей теперь двадцать пять лет. Пойдем, я представлю тебя ей.

Тот, кого звали Машфер, взял под руку Барраса и повел его к другой скамейке, на которой сидела молодая девушка, чудная красота которой была омрачена мутным взглядом. Она смеялась судорожным смехом и, вполголоса напевая припев из Марсельезы, вертела головой направо и налево.

– Она сумасшедшая, – сказал Машфер.

– Сумасшедшая, – прошептал Баррас, который в эту минуту забыл и Марион, и свой праздник в Гробуа, и свое высокое звание директора.

– Ах! – сказал Каднэ, последовавший за ним. – Мадемуазель де Машфер имела большие испытания. Ее отвезли к эшафоту в одно время с ее отцом и женихом, но она была спасена... О! Спасена ужасным образом... И вот почему она сошла с ума!

– Конечно, – прошептал Машфер, – смерть ничего не значит в сравнении с тем, что случилось с нею. Представь себе, граф, в тюрьме один из тюремщиков влюбился в нее, несколько раз предлагал он ей спасти ее, но она с негодова-

нием отказывалась. Поверишь ли? Этот негодяй осмелился у эшафота объявить, что сестра моя готовится быть матерью! Лучше бы она умерла.

Баррас дрожал и время от времени отворачивался. Человек двадцать подходили к нему кланяться, одни в масках, другие с открытыми лицами: один служил в его полку, другой был его прежний приятель; третий, богач до революции, ссужал деньгами его, как младшего сына, всегда бывшего кругом в долгах. Среди женщин, которые оплакивали своих близких, Баррас узнал многих. Одних он встречал еще совсем юными, с чистым челом, со звонким смехом на лужайках Трианона, а других знал в городском свете. Одна принадлежала к знатной провансальской фамилии, находившейся в родстве с фамилией Барраса. И все эти люди, мужчины и женщины, как будто забывали, что Баррас был ренегат, директор Республики. Ему тихо кланялись, с ним заговаривали без горечи, ему не делали упреков, его не оскорбляли.

Машфер ходил рядом с ним, как Каднэ. Оркестр все молчал, танцы еще не начинались.

— Когда ты здороваешься со всеми, — сказал Машфер, — мы начнем бал. Он, может быть, будет не так весел, как тот, который ты давал в Гробуа, но не сердись, любезный граф, он, конечно, будет лучше составлен.

Баррас ходил в толпе этих людей в трауре, которые хотели танцевать, как человек, потопивший свой рассудок в многочисленных возлияниях. Он шел, шатаясь, и позволял Каднэ

вести себя. Он не смог удержаться от восклицания удивления, почти радости. Мужчина невысокого роста, весь в черном, за исключением желтого жилета, который закрывал ему не только грудь, но и часть живота, мужчина худой, седой, сгорбленный, но глаза которого показывали остаток молодости, подошел к директору и поклонился ему, говоря:

– Здравствуйте, граф. Эти господа и эти дамы удостоили принять меня, бедного простого слугу, в свое общество.

– Суше! – воскликнул Баррас.

– Да, граф, это я...

Когда Баррас был капитаном, у него был друг, товарищ по оружию, кавалер д'Эглемон, с которым он участвовал в индийской кампании. Они жили десять лет одной жизнью и любили друг друга, как братья. Революция разлучила их. С тех пор Баррас напрасно спрашивал о своем друге повсюду. Он несколько раз осматривал тюрьмы, с беспокойством перелистывал книги Консьержери, искал имя кавалера во всех списках осужденных. По окончании террора Баррас решил, что кавалер спасся.

Седовласый мужчина в черном платье и желтом жилете, тот, кого Баррас назвал Суше и который назвал себя простым слугою, был не кто иной, как камердинер кавалера д'Эглемона.

Баррас с живостью схватил его за руку.

– О, наконец-то! Ты мне скажешь, где кавалер?! – вскричал он.

– Умер.

– Умер?... О! Не в Париже по крайней мере?... Убит в бою?

В армии Конде?

– Вы ошибаетесь, ваше сиятельство, он умер в Париже.

– В Париже!

– Да.

– Но какой смертью?

– Смертью общей, самой обыкновенной – он был гильотинирован.

– Это невозможно!

– Это так; и один из членов Коммуны велел снять с него кожу.

– Какой ужас!

– Чтобы сшить себе бальный жилет. Я выкупил этот жилет, когда монтаньяр, в свою очередь, попал на гильотину... Вот, полюбуйтеесь!

Суше указал на свой желтый жилет, и Баррас с ужасом отступил. Этот жилет был куском кожи кавалера д'Эглемона, его несчастного друга.

VI

Машфер и Каднэ, уже четверть часа не отходившие от главы Директории, неумолимо смотрели на него. Несколько капель пота выступило на лбу Барраса, у висков подрагивали жилы. Но он не успел ответить Суше, произнести слов гнева, сострадания, горести при виде кожи своего несчастного друга, потому что сигнал был подан и оркестр заиграл – оркестр волшебный, шумный, лихорадочный и безумно веселый, несмотря на то что под его звуки должны были танцевать люди, носившие в своем сердце смерть. Одна женщина встала и подошла прямо к Баррасу.

– Любезный Поль, не будете ли вы танцевать со мной сегодня? – сказала она.

Баррас побледнел, узнав прекрасную и несчастную маркизу де Валансолль, у которой больше не было ни мужа, ни детей. Несмотря на тайный ужас, овладевший им, несмотря на страшное волнение, сжимавшее его душу, директор взял маркизу за руку и, скорее позволив ей вести себя, оказался в центре залы.

– Граф, – сказал Машфер, – я буду с тобою визави. Ты ведь не против, не правда ли?

Машфер пошел пригласить на контрданс свою сестру, то есть прекрасную и грустную девушку, с уст которой не сходила безумная улыбка. Оркестр играл. Баррас потерял го-

лову. С четверть часа он думал, что попал в другую эпоху: он помолодел на добрый десяток лет, вообразив, что революция, террор и Директория были сном. Танцуя с маркизой де Валансолль, визави с бароном Машфером, между оставшимися представителями старинного французского дворянства, Баррас вообразил себя в Версале или в Трианоне во время какого-нибудь праздника, даваемого Марией-Антуанеттой, самой прекрасной из королев и королевой среди прекрасных. Во время этого контрданса он слышал очаровательные слова, легкий смех раздавался в ушах, в воздухе витали дивные ароматы, и он, этот чувственный и утонченный аристократ, напрасно старался забыть свое знатное происхождение. После контрданса начался менуэт – торжество версальской молодежи; потом вальс, вальс немецкий, головокружительный, напомнивший директору его беззаботную молодость.

Баррас каждый раз переменил даму. С час он жил в мире полуфантастическом. Он потерял память, он не знал, где он, и, упоенный, очарованный, предавался лихорадочному удовольствию, танцуя с самыми красивыми женщинами, получая комплименты своему изяществу, упиваясь гармонией и благоуханием... Баррас не был уже человеком политическим, он не был уже директором, он забыл, что он держит в руках судьбу Франции. Баррас сделался гвардейцем и дворянином; он помолодел двадцатью годами; ему было привольно в этом аристократическом собрании, среди аро-

мата духов, белых плеч, развевающихся волос... Но всякий сон кончается... Оркестр умолк, бал закончился, и – странное дело! – люстры погасли как бы от могущественного и таинственного дуновения. Баррас вдруг очутился впотьмах. Вокруг него стали слышаться страшный шум, шепот, шелест платьев, шарканье атласных башмаков, скользивших по паркету. Затем все стихло... Чья-то рука схватила его за запястье; рука мужская, хотя и гибкая, крепко сжала его руку. И в то же время чей-то голос шепнул ему на ухо:

– Пойдем, граф, пойдем!

Барраса увлекли в темноту, и он почувствовал, что рядом с ним идут двое. В одном он узнал, того, кто взял его за руку, это был барон де Машфер, его крестник, другим был Каднэ. Они провели Барраса через бальную залу в противоположный конец и остановились перед запертой дверью. Каднэ постучался три раза. Дверь отворилась, и в лицо Баррасу хлынули потоки света.

Он стоял на пороге второй залы, тоже кругообразной формы, но гораздо меньше той, в которой танцевали. Стены этой залы были также выкрашены красной краской. В глубине комнаты огромный занавес, падавший со свода, спускался до самого пола и, по-видимому, что-то скрывал. Баррас посмотрел на этот занавес и почувствовал легкий трепет – трепет неизвестности. Что там, за полотном?

Двенадцать человек сидели на железных скамьях, стоявших вдоль стен; эти двенадцать человек были замаскирова-

ны и одеты в красные мантии, напоминавшие мантии древних советников в парламенте. Эти двенадцать человек – Баррас их сосчитал – были безмолвны и неподвижны.

Каднэ и Машфер толкнули директора на середину залы, потом первый подвел его к стулу, специально приготовленному для него. Машфер тем временем затворил дверь. Баррас, человек сильный по натуре, не привык подчиняться воле обстоятельств. Утонченный дворянин опять сделался директором, то есть первым лицом Французской республики, и, вместо того чтобы сесть, стоял и спокойно смотрел на это таинственное собрание.

– Не угодно ли вам прекратить эту шутку, господа? – сказал он.

Замаскированные остались бесстрастны. Каднэ отвечал за них:

– Любезный директор, мы нисколько не думаем шутить. Эти люди составляют трибунал.

– Выше законов, конечно?

– Выше законов республики, но равный правосудию, – сказал Машфер.

– И этот трибунал будет меня судить?

– Да.

– И осудит?

– Или оправдает, смотря по обстоятельствам.

– Любезный барон, – сказал Баррас развязным тоном, – я очень был бы тебе признателен, если бы ты сократил все эти

напыщенные формулы.

Машфер пожал плечами и не ответил. Баррас продолжал:

– Я попал в засаду – я в вашей власти... Если вы хотите меня убить, имейте по крайней мере вежливость, не надоедать мне своими приготовлениями.

Каднэ отвечал:

– Мы не убиваем, мы судим.

– И осуждаете?

– Иногда.

Баррас топнул ногой.

– Ну, любезные друзья, поторопитесь, – сказал он, – я не очень-то терпелив.

– Садись и слушай, – сказал Машфер.

Положив обе руки на плечи Барраса, он принудил его сесть. Тогда один из замаскированных встал и сказал:

– Гражданин Баррас, вы служили в гвардейцах?

– Да.

– Потом капитаном в индийской армии?

– Да.

– Потом депутатом в Национальном собрании?

– Вы это знаете так же хорошо, как и я.

– Вы осудили на смерть короля?

– Я действовал по совести, – спокойно отвечал Баррас.

– Наконец теперь вы во главе Директории и несколько часов назад были первой особою во Франции?

Баррас молчал.

– Гражданин Баррас, – продолжал замаскированный, – как отрекшийся дворянин, как враг короля, вы заслужили смерть.

– Господа! – презрительно сказал Баррас. – Имею честь повторить вам, что мне приятнее было бы сейчас познакомиться с вашими кинжалами. Эти громкие фразы, как и ваше напыщенное и ложное правосудие, утомляют меня в высшей степени.

Замаскированный продолжал:

– Однако для вас есть способ искупить вину.

– Неужели? – с насмешкой спросил директор.

– Хотите возвратить Францию королю?

– Господа! – холодно сказал Баррас. – Я думаю, что вы мне предлагаете условие...

– Может быть.

– Посмотрим! – иронически сказал директор.

– Король Людовик XVIII сделает графа де Барраса мэром Франции и генерал-лейтенантом королевства.

– Еще что?

– Он назначит ему из своей казны пенсию в триста тысяч ливров.

– Сумма недурная! – с насмешкой сказал Баррас.

– И сделает его герцогом.

– Очень хорошо. Но, чтобы заслужить все эти милости, что должен сделать я?

– Возвратить Францию королю.

Баррас молчал с минуту, и это молчание заставило забиться надеждой все сердца. Но надежда эта была недолгой, потому что директор сказал:

– Господа! Я очень признателен моим старым друзьям, что они вспомнили обо мне, но я еще более признателен моей совести, что она не оставляет меня в подобную минуту.

Эти слова возбудили ропот, и директор прибавил:

– Вы хорошо сделали, господа, напомнив мне, что я был дворянином, потому что дворянин не изменяет своим клятвам. Я поклялся в верности Республике. Франция вручала мне власть, отняв ее у людей, обрызганных кровью. Я не изменю Франции!

Эти слова произвели сильное впечатление на замаскированных. Но Баррас, возвысив голос, продолжал:

– Не я, Франция должна решить, следует ли переменить порядок дела. Вы вероломно похитили меня, вы привезли меня сюда, вы употребили всевозможные способы обольщения, прежде чем перешли к угрозам; я неподкупен для одних, я презираю другие. Говорю еще раз: обнажите свои кинжалы!

– Итак, ты отказываешься? – сказал Каднэ.

– Отказываюсь!

– Берегись! – заметил Машфер.

– Скорее берегись ты, несчастный заговорщик! – возразил Баррас.

Человек в маске опять заговорил:

– Гражданин директор, подумайте, что таким образом вы произносите свой смертный приговор.

– Господа! – хладнокровно сказал Баррас. – Я так же как и вы, служил королю, но я ему служил, когда этого требовал мой долг. При осаде Мадраса я умел показать моим товарищам, что я не отступаю перед смертью. Прекратите же ваши угрозы, они для меня оскорбительны.

Машфер и Каднэ потупили головы.

– Мы служим под разными знаменами, – продолжал Баррас, – ваше в настоящую минуту, по крайней мере у меня, вызывает одно лишь возмущение.

– Негодяй! – прошептали несколько голосов.

– А мое, – холодно закончил Баррас, – то, которое выбрала сама Франция.

Скрестив руки на груди, он, по-видимому, ждал смерти. Тогда президент таинственного трибунала встал и сказал:

– Господа! Какое наказание, по вашему мнению, заслужил гражданин Баррас?

– Смерть! – отвечали один за другим одиннадцать голосов.

Только Каднэ и Машфер промолчали. Баррас пожал плечами, презрительная улыбка скользнула по его губам. Президент сделал знак, занавес в глубине залы приподнялся, как в театре, и Баррас, как ни был храбр, а отступил.

Он отступил, бледный, с окаменевшим лицом, лишь капли пота на лбу выдали его волнение.

В глубине залы на подмостках футов в шесть вышины стояла гильотина, а на платформе – человек, замаскированный, как и судьи, но в рубашке и с голыми руками.

Это был палач.

– Гражданин Баррас, – сказал тогда президент, от которого не укрылось волнение директора, – в последний раз подумайте!

Но Баррас выпрямился, гордая улыбка появилась на его губах, и он благородно откинул голову назад.

– Имею честь повторить вам, господа, – сказал он, – что вы хорошо сделали, напомнив мне, что я дворянин...

Каднэ и Машфер, не предвидевшие этой развязки, переглянулись с изумлением. Президент прибавил:

– Когда так, граф, если вы хотите умереть как христианин, то пора... между нами есть священник, и он отпустит ваши грехи...

Один из замаскированных встал и спокойно сделал к Баррасу шаг, но в ту же минуту дверь залы отворилась и вошла женщина.

При виде этой женщины Баррас почувствовал, что душевные силы оставляют его, и провел рукой по мокрому лбу.

VII

Вошедшая женщина была та несчастная и прекрасная маркиза де Валансолль, жена без мужа, мать без детей, которую Баррас любил в молодости и на которой должен был жениться.

Она была бледна и печальна, но ее глаза сверкали необыкновенной решимостью.

– Остановитесь! – сказала она.

Повелительным взглядом обвела она всех этих людей.

– Не нам, – прибавила маркиза, – не нам, жертвам, не нам, гонимым, выказывать себя неумолимее наших палачей.

Она стала перед Баррасом как бы для того, чтобы защитить его своим телом.

– Пока я жива, – сказала она, – вы не отнимете жизнь у этого человека!

– Маркиза, – сказал президент трибунала, осудившего Барраса, – если мы помилуем этого человека, он всех нас отправит на эшафот.

– Голова уже не держится на плечах, – прибавил Машфер.

– И моя качается, – заключил Каднэ.

За маркизой вошел мужчина, тот старичок, на котором был жилет из человеческой кожи.

– Граф, – сказал он, – кавалер д'Эглемон, ваш друг, дал мне одно поручение, прежде чем взошел на эшафот.

Баррас замер.

– Он хотел, – продолжал Суше, – чтобы я когда-нибудь добрался до вас и уговорил сделаться опять верноподданным короля.

Директор пожал плечами. Президент продолжал, обращаясь к маркизе де Валансолль:

– Гражданин Баррас осужден.

– Но он не умрет, – возразила маркиза.

– Он отказался от наших предложений... – сказал Каднэ.

– Если мы оставим его в живых, мы сами умрем, – прибавил Машфер.

– Господа, – сказал, в свою очередь, Баррас, целуя руку маркизы, – вы меня осудили и хорошо сделали.

– А! Ты сознаешься! – вскричал Машфер.

– Потому как если вы выпустите меня отсюда... – продолжал Баррас.

– Тогда что? – спросил Машфер.

– За дверьми Бала жертв Баррас сделается опять первым директором Французской республики.

– И велите нас арестовать, не так ли?

– Арестовать и судить.

Баррас обернулся к маркизе де Валансолль и сказал:

– Вы видите, маркиза, что эти люди хорошо сделали, осудив меня.

Маркиза упала на колени, сложив руки. Через некоторое время, осознав, что все вокруг нее хранят мрачное молча-

ние, она встала и, не позволяя губам дрожать, прошептала:
– Нет, вы не убьете этого человека! Нет, вы не обагрите кровью эти пределы! Нет, вы не откажете мне в помиловании его!

– А он не откажет вам в нашем?

– Исключено, – твердо сказал Баррас.

– Пусть же он умрет! – вскричал Каднэ.

Но маркиза обвила руками шею Барраса и сказала:

– Ну я, слабая женщина, которую террор сделал вдовою, я мать, потерявшая своих детей, заклинаю вас именем короля-мученика не покушаться на жизнь этого человека, которого я беру под свое покровительство!

Голос маркизы звенел, как раскатистое эхо, она вызвала воспоминание о короле-мученике и говорила о прощении от его имени – страшный трибунал начал смягчаться.

– Маркиза, – сказал Машфер, – берегитесь! Вы просите сейчас наши головы!

– Этот человек – хищный зверь, – прошептал президент, – он велит отыскать нас в Париже.

– Вы ускользнете, – сказала маркиза.

– Он будет неумолим, – сказал, в свою очередь, Каднэ.

– Боже мой! Боже мой! – прошептала маркиза вне себя. – Я не хочу, однако, чтоб он умер!

Она взглянула на полуоткрытую дверь, как будто в эту дверь должна была явиться помощь.

И помощь явилась. Вошла женщина. Этой женщиной бы-

ла Марион. При виде ее облако пробежало по лицу Каднэ. Прямо к нему подошла Марион; она положила руку на плечо его и сказала:

– До сих пор я служила вам верно и слепо в память о нем, но теперь я отказываюсь быть вашей невольницей, если вы не отдадите мне жизнь этого человека... – Она указала на Барраса. – Этого человека, – прибавила она, – которого, повинувшись вам, я завлекла в подлую западню!

Несколько членов трибунала стали громко роптать. Но Каднэ, взволнованный внезапным появлением Марион, велел им замолчать. Его повелительное движение рукой красноречиво показало, что он полностью распоряжается этими людьми.

– Гражданин Баррас, – сказал он, – мы рискуем головой, я и те мои друзья, которые осмелились открыть тебе свои лица, но мы не станем сопротивляться просьбе этих двух женщин. Ты не умрешь...

Баррас остался спокоен.

– Ты свободен, – продолжал Каднэ, – и можешь уйти отсюда, а мы сами о себе позаботимся.

Он посмотрел на своих товарищей, но Баррас сделал шаг назад и пристально посмотрел на Каднэ.

– Господа, – сказал он, – гражданин Баррас, осужденный вами и готовый умереть, не мог соглашаться ни на какие сделки. Он не мог, не нарушив чести, обещать вам молчание и безнаказанность в обмен на свою жизнь.

Каднэ, Машфер и замаскированные переглянулись. Баррас продолжал:

– Вы возвращаете мне жизнь и свободу без условий, выслушайте же теперь меня.

– Говори, – кивнул Машфер.

– В ваших глазах, – продолжал Баррас, – вы люди честные, преданные и верные слуги короля, но для меня вы заговорщики, мечтающие о низвержении Французской республики.

– И мы это сделаем, – сказал Машфер.

– Молчи и выслушай меня до конца! – продолжал Баррас.

– Мы слушаем.

– Завтра, если вы сохраните мне жизнь, если вы возвратите мне свободу, я сделаюсь первым лицом в Республике, и моей обязанностью будет позаботиться о ее безопасности и отыскать заговорщиков...

– Делай то, что ты называешь своей обязанностью, – сказал Машфер.

– Но, – закончил Баррас, – я дворянин, как вы мне это напомнили, и не употреблю во зло ваше великодушие. Никто не будет знать, что я был здесь, никто не узнает, что я чуть не лишился жизни, и я забуду ваши лица и ваши имена.

Судьи с сомнением переглянулись, но Машфер вскричал:

– Вы можете ему верить!

– Я прошу вас завязать мне глаза, – продолжал Баррас, – и посадить в карету, которая отвезет меня на дорогу в Гробуа.

– Этого не нужно, – сказал Каднэ, – тебе не станут завяз-

зывать глаза, гражданин директор. Мы верим твоему слову.

Баррас поклонился. Потом, обратившись к маркизе де Валансолль и Марион, сказал:

– Я должен каждой из вас жизнь человека. Рано или поздно, может быть, вы напомним это обещание.

Маркиза и Марион остались безмолвны. В последний раз обратившись ко всем этим людям, которые прежде осудили его, а потом простили, Баррас сказал:

– Господа, я знаю, что между вами есть люди, которые были осуждены заочно и которые, если попадутся в руки полиции, будут отправлены на эшафот. Но если Французская республика не может всегда прощать, то по крайней мере она может закрывать глаза. У меня будут готовы паспорта для тех, которые захотят оставить Францию.

Ответом ему была тишина.

* * *

Через несколько минут гражданин Баррас выходил с завязанными глазами из залы Бала жертв и снял свою повязку только у Шарантонской заставы. Через час он приехал в Гробуа.

Уже рассветало, но праздник директора продолжался. Исчезновение хозяина дома заметили, но имя Марион переходило из уст в уста, и женщины завидовали Марион, а мужчины – гражданину Баррасу.

Только одна особа оставалась озабочена и растревожена, но она молчала и никому не поверяла своей озабоченности и своего беспокойства. Эту особу Баррас встретил первой, возвращаясь через сад, в крытой и темной аллее.

– Поль! – сказала она, подбегая к нему.

Баррас вздрогнул и удвоил шаги.

– А! Это вы, Ланж? – сказал он.

– Это я, – отвечала молодая женщина (а женщина эта была молодая да еще и хорошенькая), – я ищу вас везде со вчерашнего вечера.

Она схватила его за руку и увлекла в луч света, отбрасываемый венецианским фонарем, висевшим на дереве. Баррас засунул большой палец правой руки за жилет и принял победоносный вид.

– Вы ведь знаете, красавица моя, – сказал он, – что мы теперь не более чем просто хорошие друзья?

– Ну и что же?

– Что мы взаимно возвратили друг другу полную свободу... с известного дня.

– Так, и что же дальше? – спросила мадемуазель Ланж.

Это была прелестная, грациозная актриса из театра Республики, мадемуазель Ланж, любимая воспитанница мольеровского дома.

– Я вздумал воспользоваться моей свободой, моя обожаемая, – сказал Баррас, приняв развязный вид.

– А!

– Пока вы здесь танцевали...

– Вы отправились забавляться в другое место?

– Именно.

– Вы увезли с собой цветочницу Марион?

– Может быть... Признайтесь, она ведь очаровательна?

Почти так же, как и вы...

Директор-волокита обнял мадемуазель Ланж и поцеловал ее, но молодая женщина вырвалась и осталась печальна и серьезна.

– Мой бедный Поль, – сказала она, – ваша одежда в беспорядке, ваши волосы растрепаны, и вы бледны, как привидение.

– В самом деле? – спросил Баррас, вздрогнув.

– Я не спорю, что вы уехали из Гробуа с Марион, но...

Ланж взглянула на Барраса – тот потупил взгляд. Она переспросила:

– Разве не вы увезли Марион?..

– Вот еще!

– А, так это она вас увезла?

– А! Вот это уже смешно!

Баррас попытался рассмеяться. Ланж положила свою маленькую белую ручку на руку смущенного директора.

– Я знаю многое, – сказала она.

– Что же вы знаете?

– Вы получили вчера утром письмо.

– Да.

– В этом письме вас предупреждали, что вас хотят убить.

– Да.

– Это письмо написала я.

– Вы?!

– Да, я. Вы, наверное, подвергались опасности в эту ночь.

Баррас промолчал.

– Я не спрашиваю вас, – продолжала Ланж, – как вы спаслись... Для меня это все равно, если вы здесь... Только послушайте меня и будьте осторожны... Прощайте!

– Как! – сказал Баррас. – Вы меня покидаете?

– Я уезжаю.

– Вы уезжаете из Гробуа?

– Да, друг мой. Сейчас пять часов утра. У меня репетиция в двенадцать, а вечером – спектакль. Прощайте... или, лучше, дайте мне руку, мы пойдем по этой аллее, которая ведет к калитке, и вы проводите меня до кареты.

Баррас повиновался. Через несколько минут он сам отворил дверцу и посадил в карету Ланж. В карете сидела толстая женщина лет сорока, которая заворчала от удовольствия, увидев свою госпожу.

– А! Так с вами была Жаннетта, это милое создание? – воскликнул Баррас, затворив дверцу и просовывая голову в окно.

– Я не оставляю свою госпожу, – сказала Жаннетта.

– Никогда? – улыбнулся Баррас.

– О, чрезвычайно редко!

– Она отлично охраняет меня, – сказала Ланж, смеясь.

– В самом деле?

– Все обожатели приближаются ко мне с почтением.

– Любовь – глупость, – возразила Жаннетта, – на нее не купишь серебра, замка и годовых доходов.

– Добрая Жаннета! – сказал Баррас, смеясь. – Ее никогда не обвинишь в ненаходчивости. До свидания, моя красавица!

Баррас наклонился и сделал знак кучеру, тот хлопнул бичом, карета тронулась.

– Сударыня... Сударыня... – с живостью сказала Жаннетта. – Ах, если бы вы знали!

– Что такое? – спросила Ланж.

– Он был здесь.

– Кто?

– Машфер.

– Знаю, – холодно сказала Ланж.

– А вы видели его?

– Да.

– Он с вами говорил?

– Нет.

Жаннетта перевела дух.

– Слава богу! – сказала она.

– Что ж, если бы он и говорил со мной? – сказала Ланж. – Если бы он приехал в Гробуа нарочно для меня...

– Ах, сударыня!..

– Разве это не друг мой?

– Друг... Без гроша за душой... Изгнанник, которого разыскивает полиция...

Ланж пожала плечами.

– Вот увидите, в одно прекрасное утро, – продолжала Жаннетта, воодушевляясь, – полиция явится к вам.

– Плевать мне на полицию!

– Ваши бумаги захватят.

– Я прежде их сожгу.

– Вы будете арестованы... посажены в тюрьму, конфиску-
ют ваш отель, ваше белье, ваши процентные бумаги, и все
это из-за аристократишки... из-за этого бродяги.

Ланж перебила Жаннетту:

– Я тебе запрещаю говорить мне о Машфере.

– По крайней мере, вы не будете его принимать?

– Приму, если он придет.

Жаннетта вздохнула и замолчала. Карета, запряженная почтовыми лошадьми, приближалась к Парижу. Проехав Шарантонскую заставу, она направилась к Сен-Жерменскому предместью, где прелестная и несравненная актриса Ланж выстроила себе отель между двором и садом, отель, достойный ее богатства, таланта и красоты. Двор был заставлен статуями и мраморными колоннами, в ветвях больших деревьев пели тысячи птиц.

Банкир Гопп, поставщик Летран и Симон, богатый каретник, попеременно тратили сумасшедшие суммы, чтобы

украсить и меблировать это жилище. Чеканное серебро, золотая посуда, восточные ковры, картины великих живописцев, мрамор белее снега — все это находилось в отеле актрисы Ланж.

Она воротилась домой с задумчивым лицом, едва удаивая презрительным взглядом все эти богатства, и прямо прошла в небольшой будуар, обитый материей серо-жемчужного цвета с золотыми полосами. Этот будуар был ее любимым убежищем и сообщался с садом несколькими ступенями, которые вели в уединенную аллею. В конце этой аллеи была калитка в соседний переулок, за калиткой дерновая скамья.

Ланж разделась; потом, вместо того чтобы лечь в постель, закуталась в широкий пеньюар и отослала Жаннетту. Когда Жаннетта ушла, Ланж взяла с камина роль, которую она должна была играть в тот вечер. С ролью в руке вышла она в сад и по уединенной аллее дошла до дерновой скамьи, находившейся у калитки, и села на эту скамью. Не просидела она и двух минут, как два тихих удара послышалось снаружи. Ланж поспешно встала, сердце ее сильно забилося, а щеки вспыхнули.

VIII

Ланж отперла калитку, и какой-то мужчина влетел как ураган.

– Скорее! – сказал он. – За мною следят!

Этот человек был закутан в плащ, закрывавший ему часть лица. Ланж поспешно заперла калитку. Тогда вошедший мужчина скинул плащ, и молодая женщина бросилась ему на шею, говоря:

– Ты, верно, хочешь лишить меня жизни?

Он с восхищением поцеловал ее в лоб.

– Как ты добра и преданна! – сказал он. – Я тебя люблю!

– Ах! Если бы ты истинно меня любил, – сказала она, – ты не подвергал бы свою жизнь опасности каждую минуту, мой обожаемый Арман! Видишь ли, – продолжала она с воодушевлением, – я знаю все!...

– Ты знаешь... все?

– Да, все.

На губах его появилась гордая улыбка. Он сел возле Ланж и окинул ее белоснежное чело с чуть заметными голубыми жилками взглядом, смешанным с нежностью и с самонадеянностью мужчины, который чувствует себя любимым.

– И что же вы знаете, мой прелесный ангел? – спросил он.

– Я знаю, что ты был в Гробуа.

– Да... Я видел тебя там...

– О! И я видела тебя... И испугалась.

– Дурочка!

– Испугалась твоей смерти, мой Арман... Ноги у меня подогнулись... Пелена пала на глаза...

– Чего же ты боялась, моя обожаемая?

– Но ты, верно, лишился рассудка, что спрашиваешь меня об этом...

– Напротив...

– Ведь ты изгнан?

– Ну так что ж?

– Осужден на смерть?

– Однако ты видишь, что я жив и здоров.

– А если бы ты был арестован в Гробуа?

– Полно! Ведь я был не один.

– Знаю.

Он взял ее голову обеими руками и опять поцеловал.

– Как же много вы знаете, – сказал он.

– Я знаю все.

– Это много, мой милый ангел. Ну, скажи же мне, что ты знаешь?

– Ты хочешь?

– Еще бы! Давай, рассказывай!

– Ты был в Гробуа с Каднэ и Суше, человеком в жилете из человеческой кожи...

– Это правда.

– Ты увез Барраса... Вы его связали, заткнули ему рот...

Бросили в карету...

– Это правда, – отвечал Машфер, – это был он.

– Что вы с ним сделали? Сам он не хотел мне этого сказать.

– А! Ты его видела?

– Да, он возвращался в Гробуа в ту минуту, как я уезжала оттуда.

Машфер сделался серьезен. Он взял в свои руки беленькие ручки Ланж и сказал:

– Выслушай меня хорошенько. Нынешней ночью для меня исчезла великая надежда.

– О! Я догадываюсь.

– Может быть, – задумчиво сказал Машфер.

– Да, я догадываюсь, – отвечала Ланж, – твои друзья и ты думали, что Баррас, этот любящий удовольствия человек, этот якобинец, оставшийся дворянином, этот знатный вельможа, из-под красной шапки которого еще виднеется графская корона, растрогается несчастьями своей касты, подчинится воспоминаниям о прошлом, поддастся обещаниям великолепной будущности.

– Увы! – сказал со вздохом Машфер.

– Вы все думали, не правда ли, – продолжала Ланж, – что, прельщенный примером Монка, он захочет возвратить Францию ее государям.

– Да, мы были твердо в этом уверены, – сказал Машфер.

– Вы ошиблись.

– Я это понял сегодня. Но это ничего. Мы восторжествуем без него.

– Что ты хочешь сказать, Машфер? – с беспокойством спросила Ланж.

– Я хочу сказать, – продолжал молодой человек с воодушевлением, – что отказ Барраса – искра, которая подожжет порох заговора, обнимающего всю Францию, которая ищет и ждет господина и которая уже три года управляется лакеями!

– Мой бедный Арман, – печально сказала Ланж, – я согласна с тобою: Франция ждет господина, но...

– Этот господин – король Людовик XVIII.

– Ты ошибаешься.

Машфер иронически засмеялся.

– Неужели ты думаешь, что это гражданин Баррас? – спросил он.

Актриса покачала головой.

– Нет, – сказала она.

– Кто же осмелится?

Ланж взяла за руки Машфера и сказала:

– Ты мне говорил о заговоре?

– Да.

– Где он начинается?

– С востока, с Франш-Конте, будет простираться до Бургундии, Лотарингии и до берегов Луары...

– А оттуда, – перебила Ланж, – соединится с возмущением запада, с Пуату, Вандеей и Бретанью?

– Да.

– Эти три провинции борются энергично. Но как возмутите вы другие?

Машфер отвечал с серьезным видом:

– Это тайна, не принадлежащая мне.

– Раз так, сохрани ее, – сказала печально молодая женщина. – Но ради Бога, ради нашей любви... Арман, послушай меня...

– Говори, – с нежностью сказал Машфер.

– Видишь ли, мой обожаемый Арман, женщины умеют предугадать будущее, что всегда будет ускользать от мужчин. Мы любим и чувствуем больше вас, мы видим там, где для вас потемки.

– Что ты хочешь сказать?

– Я не знаю, удастся ли вам возмутить часть Франции, это для меня все равно, но час ниспровергнуть Республику еще не настал.

– Она не продержится и полгода, – с убеждением сказал Машфер.

– Ты ошибаешься, Арман.

– Когда ствол сгнил, дерево падает.

– Если только его не подопрут.

– Кто осмелится и сумеет подпереть его? – спросил Машфер презрительно.

– Кто? – повторила молодая женщина, прекрасное и бледное лицо которой приняло пророческое выражение.

– Да, кто?

– Послушай! Не видел ли ты вечером тринадцатого вандемьера¹ двадцатипятилетнего генерала, молодого человека, бледного, с длинными волосами, с глазами, сверкающими мрачным огнем, который объезжал улицы завоеванного Парижа, как триумфатор? Разве ты не видел, как он направил свою лошадь на массы народа, собравшегося около церкви Сен-Рош, и не видел ли ты, как эти массы отхлынули, трепеща, словно толпа невольников при приближении господина?

– О! Молчи... Молчи! – сказал взволнованный Машфер.

– Составляйте заговоры, – dokonчила Ланж, – возмущайте провинции, сжигайте здания, делайте все, что хотите, – этот человек поднимется, и вы все низвергнетесь в прах.

Машфер чуть заметно вздрогнул и нахмурился. В эту минуту в дверь со стороны переулка тихонько постучали. На этот раз пошел открывать Машфер. Увидев входящего, Ланж вскрикнула.

– Опять вы! – прошептала она. – Вы непременно хотите отнять его у меня! Вы его злой гений!

– Я лишь только исполняю свой долг, – отвечал новоприбывший. – Ну же, Машфер, поскорее прощайся, все готово, час отъезда пробил.

---

¹ 13 вандемьера (Вандемьерский мятеж) – вооруженное выступление роялистов в Париже 3–5 октября 1795 года, пытавшихся восстановить монархию. Баррас, которому было поручено подавить восстание, передал руководство генералу Бонапарту. Применяв пушки, 5 октября (13 вандемьера) Наполеон ликвидировал мятеж.

Ланж без чувств упала на руки Машфера.

Человек, явившийся в дом актрисы, этот злой гений ее возлюбленного Армана, был Суше, старичок в жилете из человеческой кожи.

Часть первая

Поджигатели

I

Край, в который мы перенесем теперь наших читателей, живописен и горист, он покрыт лесами и виноградниками и несет на себе суровый отпечаток той красоты, что навеивает меланхолию.

Это страна браконьеров и охотников, страна, которая даже в самые тяжелые дни революции направляла свою неукротимую энергию как в сторону добра, так и в сторону зла. Там-то найдем мы через три месяца, в один зимний вечер 1796 года некоторых лиц, появившихся в прологе этой истории.

В тот декабрьский вечер, печальный и холодный, когда день слишком быстро сменяется сумерками, некий молодой человек в охотничьем камзоле и с ружьем на плече вышел из Фуроннского леса и направился к хижине дровосека, расположенной неподалеку на опушке.

Две большие собаки с черными, белыми и рыжими подпалинами бежали следом за ним. Снег покрывал тропинки, холодный ветер резал лицо.

Хижина была обитаема – струйка синеватого дыма из тру-

бы поднималась к серому небу. Прежде чем постучаться в дверь, охотник обернулся и осмотрелся вокруг, как человек, отыскивающий заблудившегося спутника. Но рубеж леса был пуст, и охотник решился взяться за деревянную щелкуну, служившую запором хижины. Отворив дверь, он остановился на минуту на пороге и поклонился с любезным видом.

– Здравствуй, Жакомэ, – сказал он, – здравствуй, малютка.

Первое из этих приветствий обращалось к человеку лет сорока, бородатому, как козел, с почерневшим лицом, низенькому и плотному, широкая шея которого обнаруживала геркулесовскую силу. Всю жизнь он занимался тем, что валить деревья или собирал уголь.

Другое приветствие, сопровождаемое улыбкой, обращалось к девушке лет четырнадцати или пятнадцати, которая, сидя возле черного и свирепого угольщика, походила на ангела рядом с демоном. Высокая, стройная, гибкая, с волосами золотистыми, с глазами голубыми, с губами розовыми, а руками белыми, несмотря на черную работу, это создание даже в своей полосатой юбке и грубой холстяной рубашке имело спокойную и гордую красоту дочери короля. Трудно было верить, что это отец и дочь.

Жакомэ поспешно встал, говоря:

– Честь имеем кланяться, месье Анри.

– Здравствуйте, крестный, – просто сказала хорошенькая

девушка, поклонившись вошедшему и целомудренно подставляя ему свой лоб.

— Здравствуй, Мьетта, здравствуй, дитя мое, — повторил молодой человек, целуя ее.

Он сел у очага. Огонь, плясавший на охапке хвороста и узловатых корнях старого пня, освещал бревенчатые стены хижины.

— Не находишь ли ты, что сегодня очень холодно, Жакомэ? — заметил охотник. — Я озяб.

— Кому вы это говорите, ваше сиятельство? — отвечал дровосек. — У меня кожа погрубее вашей, и то я был вынужден перестать работать... Деревья замерзли, словно камни. А вы, верно, не очень хорошо поохотились сегодня...

— Я гнался за волком и не убил его, — отвечал молодой человек.

— Это меня удивляет, месье Анри... Извините, граф.

— Жакомэ, — сказал охотник, — я избавляю тебя от необходимости называть меня графом.

— Как вам угодно, — отвечал дровосек с бесцеремонностью, отличавшей бургундского крестьянина. — Я вам говорю, что это меня удивляет.

— Почему?

— Потому что вы стреляете так, как никто на десять миль вокруг.

Охотник начал играть белокуроыми косами Мьетты, которая приютилась около него, и сказал улыбаясь:

– Признаюсь, меня самого это удивляет: я выстрелил в него в двадцати шагах в прогалине, а он все продолжал бегать. Жаль, что я не верю в колдунов. Ты не видал моего товарища?

– Разве вы были с кем-нибудь?

– Да, с одним из моих парижских друзей, с офицером, который приехал ко мне неделю тому назад.

– Это правда, – заметила молодая девушка, – мне говорили.

– Стало быть, тебе известны все новости?

– Я ходила к крестной матушке вчера, когда вы были на охоте, и видела, что слуга чистил красный мундир. Я спросила, мне сказали, что это мундир друга месье Анри.

– Вы сегодня охотились вместе с ним? – спросил дровосек.

– Мы разошлись в лесу час тому назад, но сойтись назначено было здесь. Он видел твою хижину утром, проходя мимо, и сумеет найти дорогу.

– Вы не встречали утром жандармов, месье Анри?

– Нет. Разве бригада из Куланжа здесь?

– Вот уже три дня, как они ищут поджигателей, но и до сих пор не нашли никого.

– Ты веришь, что есть поджигатели, Жакомэ?

– Как же! Когда видишь пламя и дым, надо же верить пожару. Френгальская ферма сгорела на той неделе.

– Верно, по неосторожности.

– А скирды папаши Жакье разве не сгорели вчера?

– Какой-нибудь пастух нечаянно обронил огонек, греясь...

Угольщик покачал головой.

– Вот уже три месяца беспрестанно пожары, – сказал он, – скирды, фермы, леса – все горит. Их целая шайка!

– Ты думаешь?

– Послушайте, месье Анри, я похож на разбойника, потому что, как дровосек и угольщик, я беден, живу в лесу, и кроме вас – так как вы меня знаете, – никому я большого доверия не внушаю. А если бы захотели довериться мне... Впрочем, довольно.

Угольщик замолчал, как человек, который боится, что сказал слишком много.

В эту минуту постучались в дверь. Мьетта пошла открыть. Вошел другой охотник, тот самый, с которым граф Анри разошелся в лесу.

Ему могло быть лет тридцать. Он был высок, смугл, с черными глазами, с густыми усами. Его мужественная и несколько дикая красота составляла контраст с голубыми глазами и с белокурыми волосами его товарища.

Граф Анри был среднего роста и скрывал под деликатной наружностью неутомимую энергию, силу, развитую телесными упражнениями, и львиное мужество, не мешавшее ему улыбаться, как молодой девушке.

– Я имею известие о твоём волке, Анри, – сказал вошед-

ший, садясь у огня.

– Ты его застрелил?

– Нет, но он мертв, соседний фермер унес его.

Граф Анри нахмурил брови.

– Ты знаешь, кто этот фермер?

– Женщина, подбиравшая сухие ветви, видела, как он взвалил волка на свою телегу; она сказала мне, что его зовут Брюле.

При этом имени дровосек Жакомэ сделал движение.

– Это фермер гражданина Солероля, – сказал граф, – я знаю Брюле, это хороший человек, он без труда отдаст моего волка.

– Ваше сиятельство, кажется, очень доверяет Брюле? – спросил Жакомэ.

– Он хороший человек, это говорят все.

– Это-то правда...

Жакомэ засмеялся тихим и нервным смехом.

– Я знаю кое-что... – сказал он. – Впрочем, довольно!

Пока дровосек говорил, офицер внимательно на него смотрел.

– Знаешь ли, мой бедный Жакомэ, – сказал граф, – что ты чрезвычайно таинственен сегодня?

– Но, граф...

– Ты говоришь о поджигателях, ты уверяешь, что Брюле – нечестный человек...

– Я никогда этого не говорил.

– Но ты веришь, что поджигатели существуют?

– Верю.

Граф Анри пожал плечами.

– Ты находишься в странном краю, любезный Виктор, – обратился он к офицеру. – Здесь все чего-то боятся. Лишь только пожар случается на ферме, по неосторожности сожгут две-три скирды хлеба и тотчас же воображают, что это дело рук каких-то поджигателей.

Офицер промолчал.

– Что ты об этом думаешь? – настаивал граф.

– Я думаю, – отвечал офицер, – что ты отличаешься редким оптимизмом или глубоким неведением.

– Что такое?

– Неужели ты не знаешь, мой милый, что весь департамент в огне?

– Право, не знаю. Я не читаю газет и провожу все время на охоте.

Офицер опять замолчал. Жакомэ гладил свою бороду с видом человека, который с нетерпением желает, чтобы его расспросили. Хорошенькая Мьетта сделалась печальна и задумчива. Граф продолжал:

– Положим, что есть поджигатели, но до сих пор они, верно, хорошо расположены ко мне, потому что ничего не сожгли у меня.

– Ни за что нельзя ручаться, месье Анри, может, и случится...

– Ба! Революция сделала меня таким бедняком, что теперь почти нечего у меня сжечь. Если поджигатели и существуют, то ведь они жгут не для одного же удовольствия...

– Уж конечно, – сказал Жакомэ.

– Они жгут, чтобы грабить, а если и отнимут у моей сестры и у меня несколько серебряных приборов и луидоров...

– Френгальский фермер был небогат, и все-таки его ферму сожгли, – заметил Жакомэ.

– Ты знаешь кратчайшую дорогу на ферму Брюле? – спросил граф Анри.

– Знаю.

– Проводи нас туда, я хочу взять моего волка.

– Да ведь туда целое лье по лесу, а теперь холодно.

– Мы будем дуть в пальцы.

– Притом это отдалит вас от дома на два лье по крайней мере.

– Брюле даст нам лошадей.

– Как это странно! – пробормотал Жакомэ. – Вы очень любите Брюле, месье Анри. Впрочем, это не мое дело.

Офицер во второй раз взглянул на дровосека.

– Надень же твой теплый камзол, Жакомэ, – сказал граф Анри, – и показывай нам дорогу. Прощай, малютка.

Молодой человек охватил обеими руками хорошенькую головку Мьетты и поцеловал ее. Жакомэ накиннул на плечи камзол из козьей кожи, снял со стены ружье, отворил дверь хижины и вышел первый, офицер за ним.

– Прощайте, крестный, – сказала девочка, обвив руками шею молодого человека, и вдруг шепнула: – Оставайтесь на минуту, я хочу говорить с вами.

– Что ты можешь мне сказать? – спросил граф Анри с удивлением.

Мьетта подождала, пока Жакомэ и офицер отошли шагов на двадцать.

– Месье Анри, – сказала она, – я вас люблю, как отца, и не хотела бы, чтобы с вами случилось несчастье.

– Что же может случиться со мною?

– Батюшка говорит, что вы напрасно ходите в Солэй.

Анри вздрогнул.

– Начальник бригады вас подстерегает. С вами, наверно, случится несчастье, месье Анри.

– Молчи! – сказал молодой человек.

Он в последний раз поцеловал Мьетту и догнал своих спутников, но офицер успел обменяться несколькими словами с Жакомэ. Когда граф Анри подошел к ним, Жакомэ опять сделался нем. Собаки шли, опустив головы. Настала ночь, и граф Анри связал их вместе из опасения, чтобы им не взбрела фантазия убежать в лес. Жакомэ шел впереди и свистел охотничью арию. Самая прямая дорога на ферму Брюле, находившуюся по другую сторону леса, по направлению к Фонтенэ, была большой извилистой линией, называвшаяся Лисьей аллеей. Снег выпал так сильно, что проложенная тропинка исчезла, а так как Лисья аллея проходила через

несколько перекрестков без всяких надписей и указателей, то провода Жакомэ вовсе не были бесполезны: только один дровосек мог найти дорогу ночью в этом густом лесу.

Граф Анри взял под руку своего друга-офицера и, отстав несколько от Жакомэ, сказал:

– Знаешь ли, почему я так мало занимаюсь поджигателями?

– Нет, – с любопытством отвечал офицер.

– Потому что я влюблен.

– Я это подозревал.

– В самом деле?

– Во-первых, у тебя наружность влюбленного, глаза впалые, лицо вытянуто, ты рассеян, потом, ты выходишь по ночам...

Граф Анри вздрогнул.

– Ты это знаешь?

– Вот три ночи сряду я вижу, как ты уходишь из дома с ружьем на плече, когда все лягут спать. Куда ты уходишь – я не знаю, но ты возвращаешься поздно, на рассвете.

– Милый мой, – сказал граф Анри беззаботно, – ты знаешь, какова деревенская жизнь? Прелестных дам мало, а если и встречаются, то у них есть мужья, стало быть, не с этой стороны надо искать...

– Хорошо! Понимаю. Э-э! Знаешь ли, что эта маленькая угольщица очень мила?

– О! – возразил граф. – Перестань шутить, любезный Вик-

тор. Мьетта – моя крестница, это олицетворенная добродетель и невинность.

– Извини, если я ошибся... Но когда так...

– Хорошенькая фермерша, – шепнул граф Анри и снова замолчал.

Они шли молча несколько времени, потом офицер продолжал:

– Доверенность за доверенность, и я скажу тебе мою тайну.

– Ты влюблен?

– Увы! Нет. Но слушай... Ты думал до сих пор, что поместил у себя старого друга, офицера в отпуске, который хотел отдохнуть от своего тяжелого ремесла, сделавшись твоим товарищем по охоте?

– Ты мне это писал в письме, в котором уведомлял о своем прибытии.

– Да, но я имел другую цель.

– Какую?

– Я тебе скажу. Две недели назад гражданин Баррас призывал меня и сказал: «Бернье, я знаю, что вы деятельны, смелы, осторожны и необыкновенно проникательны. Я доставлю вам случай сменить эполеты. Я даю вам тайное поручение. Вот уже три месяца Францию опустошает страшный бич – пожары, повсюду организовались шайки поджигателей, которые жгут хлеб, фермы, дома. Жандармы рыщут, да все напрасно. Я хочу, чтобы это прекратилось как можно ско-

рее. Я выбрал сотню офицеров, молодых, умных, не отступающих ни перед чем, и сделал их комиссарами в департаментах. Вас я посылаю в Ионну. Поезжайте, наблюдайте, изучайте, собирайте сведения, не торопитесь, но уничтожайте поджигателей». Баррас в тот же вечер велел мне передать секретные и подробные инструкции и уполномочие, по которому при первом моем требовании все военные и гражданские власти департамента будут в моем распоряжении. Теперь, мой милый, ты знаешь все, будь же нем. До сих пор я наблюдаю и собираю сведения. Час действовать еще не настал.

Граф Анри серьезно выслушал своего друга.

– Что же, – сказал он, – если бы меня приняли за сумасшедшего, я все-таки буду иметь мужество выказать свое мнение. Я не верю в организованные поджоги. Я допускаю отдельные случаи, частное мщение. У крестьян первая месть – поджечь дом своего врага. Но я не верю, чтобы были шайки поджигателей, организованные, с хитрыми главарями. При том какая была бы у них цель?.. Конечно, грабеж, но что еще...

Виктор Бернье сказал, колеблясь:

– Я не знаю, должен ли я говорить тебе все это. Ты пламенный роялист, ты не любишь нынешнее правительство, и я это понимаю очень хорошо. Отец твой умер на эшафоте, и падение прежнего режима разорило его...

– Оставим это, – резко сказал граф Анри.

– Политика не чужда пожарам, – продолжал капитан Вик-

тор Бернье. — Кто-то хочет, чтоб Франции надоело нынешнее правление. Поджигатели на жалованье... У кого? До сих пор это тайна.

Граф Анри сделал жест негодования.

— Успокойся, — сказал капитан, смеясь, — я подозреваю не тебя.

Пока они говорили таким образом, свет мелькнул из-за деревьев.

— Это уже ферма, на которую мы идем? — спросил капитан.

— Нет, — отвечал Жакомэ, обернувшись, — это замок бригадного начальника Солероля.

Граф Анри вздрогнул, но не сказал ни слова.

— Как, — сказал капитан, — бригадный начальник живет здесь?

— Вот замок Солэй, который он купил в прошлом году.

— Он, кажется, здешний?

— Да, — презрительно сказал граф Анри, — это сын куланжского нотариуса.

— Он, кажется, женат?

Граф Анри не мог скрыть свое волнение.

— Да, он женат, — отвечал он.

— На ком?

— На мадемуазель де Берто де Солэй. Это революция устроила этот брак, но не без труда, — отвечал Жакомэ.

— Каким же это образом?

— Бригадный начальник немолод, некрасив и, говорят,

ужасно груб...

– Я это знаю, – сказал капитан Виктор Бернье, – я служил под его начальством.

– Надо думать, – продолжал Жакомэ, – что он был не по вкусу мадемуазель Жанне, потому что она долго не соглашалась...

– Но наконец согласилась?

Пока Жакомэ говорил, граф Анри хранил угрюмое молчание, прерываемое иногда нетерпеливым движением, на которое капитан не обращал внимания. Но Жакомэ, сделавшись болтливым, продолжал:

– Говорят – по крайней мере так толкует прислуга в замке, – что генеральша несчастлива. Генерал ужасно ревнив. Ни один молодой человек не решится показаться в парке ночью – генерал убьет его...

– Это именно тот полковник, которого я знал, – прошептал капитан Бернье.

– А потом убьет свою жену, – прибавил Жакомэ.

Капитан обернулся к своему другу.

– Хороша собой жена бригадного начальника? – спросил он.

– Не знаю, – резко отвечал граф Анри.

– Как! Ты не знаешь? Разве ты никогда ее не видел?

– Я знал ее ребенком. Но отец ее, умерший два года назад, всегда глубоко ненавидел моего отца, а так как эта ненависть распространилась и на меня, мы никогда не бывали друг у

друга.

Жакомэ принялся свистеть охотничью арию, и опять молчание водворилось между графом и его другом. Сметая снег, поднялся северный ветер.

– Какая у вас смешная мысль, месье Анри, – продолжал Жакомэ, – идти сегодня к Брюле!

– Я хочу взять моего волка.

– Послали бы за ним завтра вашего фермера.

Молодой человек пожал плечами и не отвечал. Свет, мелькавший сквозь деревья, исчез, и три спутника оставили позади себя замок Солэй.

– Теперь я, кажется, уже вам не нужен, месье Анри, – сказал Жакомэ, – во-первых, дорога теперь прямая, а во-вторых, случай послал вам проводника.

Жакомэ протянул руку и указал на темный силуэт, двигавшийся по снегу.

II

Зоркий взгляд графа Анри скоро узнал мальчика, который нес вязанку хвороста на плечах.

– Эй! Заяц! – закричал Жакомэ.

Мальчик остановился и отвечал с дерзким видом:

– Что тебе нужно?

– Подожди. Вот месье Анри де Верньер и его друг имеют надобность до тебя.

– А на стаканчик дадут? – спросил мальчик с бесстыдством.

– Я дам тебе тридцать су, – сказал граф Анри.

Мальчик остановился и бросил свою вязанку на землю, но вместо того, чтобы подойти к Жакомэ и к молодым людям, он остался на одном месте, не снимая своей шапки из лисьей шкуры.

– Это Заяц, сын Брюле, – с презрением сказал Жакомэ. – Ему не будет труда проводить вас, это ему по дороге.

Заяц услышал и отвечал насмешливым тоном:

– Почему вы знаете, к себе ли я иду?.. Я должен расставить капканы...

– Ах, негодяй! – сказал граф Анри. – Ты осмеливаешься признаваться, что ты расставляешь капканы?

– А что ж такое? Разве дичь не всем принадлежит?

– Нет, а только тем, кто ее кормит.

– Отец мой – фермер.

– Но право охоты принадлежит владельцу, – заметил капитан.

Мальчик искоса на него посмотрел.

– А вам какое дело? – сказал он. – Да это офицер... должно быть, жандарм...

И мальчик расхохотался самым неприличным образом, между тем как капитан остолбенел от подобной дерзости.

– Ах, сударь, вы еще ничего не видели, – сказал Жакомэ, – этого мальчугана от земли не видно, а он зол, как три якобинца вместе. Ему нет еще и пятнадцати, а он не испугается целого полка.

– Эй, старик, – перебил Заяц, – скажи мне, когда ты кончишь хвалить меня...

– Он вор, лгун, браконьер и вообще дурной сын... Он бьет свою мать.

– Старуха мне надоедает, – сказал мальчик, – она не дает мне денег. К счастью, старик помягче.

Изумленный капитан шепнул на ухо своему другу:

– Откуда взялся этот пострел?

– Это сын Брюле, – отвечал Жакомэ, – добрейшего человека в здешнем краю, как говорит месье Анри, – прибавил дровосек с усмешкой.

Мальчик украдкой бросил свирепый взгляд на Жакомэ.

– Ну, решайся: хочешь проводить этих господ?

– Если месье Анри обещает мне тридцать су.

– Получишь, мы идем к тебе. Прощай, Жакомэ, до свидания.

Дровосек подошел к молодому человеку и шепнул:

– Месье Анри, ей-богу, вы напрасно пойдете в Солэй нынешней ночью...

– Молчи.

– Начальник бригады воротился, – шептал Жакомэ, – долго ли случиться несчастьем...

– Господь хранит любящих, – тихо отвечал граф Анри.

Он догнал капитана, который сделал несколько шагов вперед, между тем как Жакомэ задумчиво возвращался назад.

Несколько слов, вырвавшихся у сына Брюле, обрисовывают его нравственно. Этот мальчик не верил ничему и отличался непомерной дерзостью; это был пятнадцатилетний злодей. Физически он был мал, дурно сложен, хром, горбат, с лицом, испорченным оспой, с маленькими глазками, из которых один был желтый, другой черный. Его прозвали Заяц по причине чрезвычайной худобы его. А известно, что в некоторые времена года заяц бывает очень худ. Желтые волосы, щетинистые, как у негра, покрывали низкий лоб и скрывали его хитрый взгляд. В школе, куда его посылали года два назад, Заяц выколол глаз одному из своих товарищей, воткнул перочинный нож в ногу учителя и поджег дом в один вечер. Брюле, пользовавшийся превосходной репутацией, замял это неприятное дело деньгами, то есть мешком пшеницы и двумя мешками картофеля. Воротившись на

ферму, Заяц, получивший нагоняй от отца, все-таки опять принялся за свои милые шалости. Однажды, когда бросали на пшеницу купорос для предохранения от мышей, Заяц сказал молодой и хорошенькой служанке на ферме:

– Отчего у тебя кожа тонкая, как масло, ведь ты служанка, а я рябой, хотя твой господин, – и бросил ей в лицо купорос.

Бедная девушка, страшно обезображенная, пошла жаловаться своему отцу, который был бедным поденщиком. По милости трех мешков картофеля Брюле уладил и это дело. Однажды жандармский бригадир отвел фермера в сторону и сказал:

– Вы должны обратить внимание на вашего сына, иначе он дурно кончит.

– Остепенится когда-нибудь, – отвечал Брюле.

При других фермерах был строг к сыну, но с глазу на глаз обращался с ним, как с избалованным ребенком.

У Брюле были трое детей: два сына и дочь. Старший сын, сильный крестьянин, управлял плугом, водил скот на рынок, распоряжался работниками на ферме. Его звали Сюльпис. Это был хороший парень, не ходивший в кабаки, честный в делах и работающий. Второй – Заяц, которого мы знаем. Сюльпис был любимым сыном матери, доброй женщины, которая претерпела много тайных огорчений и пролила много слез. Между рождением Сюльписа и Зайца родилась дочь Лукреция. Пятнадцати лет она была самая хорошенькая девушка в окрестностях; в шестнадцать лет за нее сватался бо-

гатый фермер, которому она отказала; семнадцать лет она исчезла. Что с нею сделалось, это была тайна. Сначала думали, что она утонула; потом стали уверять, что она уехала с прекрасным незнакомцем, который провел один вечер на ферме, получив там ночлег. Говорили даже, но шепотом, что Лукреция влюбилась в соседнего владельца и, отчаявшись внушить ему любовь, оставила эти места.

Прошло уже три года с тех пор, как Лукреция исчезла... И никогда ни на ферме, ни в деревне не имели о ней известий. Отец становился свиреп, когда при нем произносили ее имя. Иногда он говорил резко:

– Надеюсь, что она умерла.

Мать молча плакала, а иногда шептала:

– Ах, если бы она воротилась! Я простила бы ей... Я приняла бы ее в свои объятия!

Добрый Сюльпис также говорил:

– Милая сестра провинилась, но разве это причина, чтоб не возвращаться? Разве она не имеет здесь своей доли? Пусть она воротится, я найду ей доброго парня, который и теперь захочет на ней жениться...

Когда Заяц слышал такие речи от своей матери и своего брата, он пожимал плечами и кричал:

– Хотел бы я посмотреть, как эта мерзавка посмеет воротиться!

Когда дровосек Жакомэ ушел, Заяц сказал графу де Верньеру:

– У вас есть дело до моего отца, что ли?

– Я хочу спросить у него о моем волке.

– Каком волке? Разве у вас есть волки? И вы отдаете их на время? Как это смешно!

– Милый мой, – холодно сказал капитан Бернье, – твое простодушное удивление доказывает мне, что тебе все известно очень хорошо. Граф де Верньер убил волка два часа назад.

– Очень может быть, – флегматично сказал мальчик.

– Волк ушел в чащу.

– И это возможно.

– Мимо проходил фермер с собакой, коровой и мулом; он поднял убитого волка, положил его на мула и увез.

– Как же! За волка в Оксерре платят пятнадцать франков.

– Этот фермер был твой отец.

– Разве вы колдун? – спросил мальчик, недоверчиво глядя на капитана.

– Очень может быть, – отвечал капитан, употребляя выражение Зайца.

– И вы думаете, что мой отец возвратит вам волка? Разве он ваш? Волк принадлежит тому, кто его нашел... Он стоит

пятнадцать франков, не считая шкуры. Со шкурой пойдешь по фермам, и вам дадут сала, яиц, картофеля... Я не отдал бы волка.

– Я его убил, – сказал граф Анри.

– А может, вы не попали...

– Но ведь он был мертв.

– Это ничего не доказывает, теперь холодно... Притом теперь, говорят, болезнь на волках...

– Полно, негодяй! – перебил капитан, выведенный из терпения. – Ступай вперед и молчи, или я выдеру тебя за уши. Не у тебя, а у твоего отца будем мы требовать волка.

Угроза капитана не очень подействовала на скептический и насмешливый вид Зайца, однако он взял свою ношу и пошел вперед, напевая пронзительным голосом:

Хотел в тюрьму упечь меня
Жандармский капитан!
Видать, не нравилась ему
Простого парня рожа!
А я плевал на всех жандармов
Да и на капитанов тоже!

– Этот мальчишка, – шепнул капитан на ухо графу де Верньеру, – думает, что идет на свою ферму, а он между тем тихонько бредет на каторгу, если не к эшафоту.

У Зайца слух был чуткий, как у зверька, имя которого он носил; он обернулся и сказал:

– Может быть, я и бреду на каторгу, но это мне нравится... Пошлют в Тулон, край теплый... Я люблю теплоту... А эшафот я видел в Оксерре три года назад, на нем умирали дворяне. Делов-то: минута – и все кончено. А народу-то сколько смотрит, народу! Если это со мной случится, я скажу целую речь, вот увидите!

Капитан и граф не смогли скрыть свое отвращение. В эту минуту они дошли до рубежа леса. Полная луна освещала побелевшую землю; при свете ее виднелась долина, покрытая снегом и окаймленная лесистыми и скалистыми пригорками. Над долиной возвышались серые стены фермы, разделявшей на три корпуса зданий: в одном жил фермер, в другом хранилась жатва, в третьем находились конюшни и хлева. Ферма Брюле принадлежала бригадному начальнику Солеролю после его брака с мадемуазель Берто де Солэй. До революции эта ферма составляла часть обширных владений фамилии Берто, одной из богатейших в Нижней Бургундии.

Семейство Брюле содержало эту ферму по контракту уже лет сто. Нынешний папаша Брюле, очень добрый человек, купил ее в 1793 году за тридцать тысяч франков ассигнациями. При учреждении Директории он возвратил ее мадемуазель де Верньер, вышедшей замуж за бригадного начальника.

Эта ферма, одна из обширнейших в департаменте, имела не менее восьмисот десятин земли, лугов и леса, она называлась Раводьер.

Заяц указал на нее пальцем и сказал:

– Вон дымок отца. Он греется. Ступайте по этой тропинке, она заметна – быки проходили по ней утром. Я вам больше не нужен. Гоните мне мои тридцать су, месье Анри.

– Как! Ты нас оставляешь?

– Я пойду ставить капканы.

– Этот негодяй чересчур дерзок! – вскричал капитан Бернье.

– Отчего же? – смело спросил мальчик. – Какое вам дело до моих капканов? Ваш лес или генерала?.. Или вы лесничий... Или жандармский бригадир?

Заяц, не дожидаясь ответа капитана, вошел в лес, подбирая монетки и весело напевая:

Хотел в тюрьму упечь меня
Жандармский капитан...

– Мой милый, – сказал граф Анри, – таковы здешние нравы, здесь все браконьеры.

– Я не браконьеров приехал преследовать, – возразил капитан довольно громко, не думая о тонкости слуха Зайца, который, только что исчез в чаще, – а поджигателей!...

Граф Анри перепрыгнул с края оврага, окаймлявшего лес, на тропинку, и его друг последовал за ним. Оба быстро направились к ферме.

Заяц бросился в кусты и сначала удалялся, но вдруг он

вернулся и ползком добрался до чащи леса, оказавшись в трех шагах от друзей. Повиновался ли он предчувствию или привычке к шпионству, существующей у крестьян, это трудно определить, но он сильно вздрогнул, и нервный трепет пробежал по всему телу, когда он услышал гневный возглас капитана о поджигателях.

– О-о! – прошептал Заяц. – Это что еще за птица и зачем он идет на ферму?..

Заяц следовал глазами за молодыми людьми до тех пор, пока они дошли до стены фермы, потом вскочил на ноги с проворством козленка и побежал по лесу не по тропинке, а по чаще, опустив голову, чтоб избежать терновника.

За пол-лье от фермы, на западе, в самой густой части леса, находятся целые обломки скал, оторванных, вероятно, каким-нибудь вулканическим сотрясением. Густые заросли покрывают эти скалы, из которых некоторые пусты и служат убежищем лисицам. Это место называется Лисьей норой. Кустарник, покрывающий эти скалы, колюч, и собаки боятся приблизиться к нему; редко охотник или браконьер отваживаются подходить к этому месту. Мертвая тишина царствует тут во всякое время, и даже лесные птицы, вероятно, находя деревья слишком густыми, оставили это место. К нему, однако, направлялся Заяц.

– Головня не хочет, чтоб я участвовал в совете, – сказал он, – но сегодня он не рассердится, когда узнает, зачем я пришел.

Он пробрался сквозь терновник до отверстия в скале, настоящей лисьей норы. В этой норе Заяц лег ничком и приложил к губам два пальца, потом закричал, как сова, и подождал.

Через несколько секунд подобный же крик раздался из глубины скал.

– Они там, – усмехнулся Заяц и, как был, лежа на животе и помогая себе рукам, пополз внутрь.

III

Пока Заяц шел к Лисьей норе, а граф Анри де Верньер с другом своим, капитаном Виктором Бернье направлялись к ферме Раводьер, фермерша Брюле и сын ее Сюльпис одни находились в кухне. Сюльпис сидел перед весело пылавшим огнем и молча курил трубку. Мамаша Брюле ставила на длинный дубовый стол глиняные тарелки и раскладывала оловянные ложки для ужина работников, которые скоро должны были прийти. К ужину ждали Брюле, который пошел на рынок в Мальи-ле-Шато, и Зайца, который шатался неизвестно где.

Фермерша Брюле, вздыхая, исполняла свое обычное дело. Ей было не более сорока двух лет; она была когда-то хороша собой и сохранила некоторые следы красоты, но ее исхудавшие щеки и глаза, покрасневшие от слез, красноречиво говорили о продолжительных и жестоких горестях, подавляемых без ропота.

Она ходила взад и вперед по кухне и время от времени подходила к порогу и выглядывала за дверь. Дорога была пуста. Потом мамаша Брюле возвращалась к очагу и приподнимала крышку огромного горшка, в котором кипел суп, и мешала его большой деревянной ложкой, висевшей над очагом.

Сюльпис сидел напротив горшка, так что для совершения

этого простого дела фермерша Брюле должна была опираться на плечо своего сына. Сюльпис положил левую руку на колени. Что-то горячее упало на его руку. Молодой человек вздрогнул, – это была слеза, слеза, выкатившаяся из глаз его матери. Без сомнения, эта слеза не удивила крестьянина, потому что он не вскрикнул и не сделал никакого движения; он только обнял мать, поцеловал ее с уважением и сказал:

– Бедная матушка! Вы все думаете?

– Все думаю, – ответила фермерша Брюле, залившись слезами, – разве можно забыть свою дочь?.. Разве здесь все не говорит мне о ней? Вот ее стульчик, она сидела на нем, когда еще была ребенком... Ее стаканчик на этажерке... Моя бедная Лукреция!.. Ах, Боже мой! – продолжала мамаша Брюле голосом, прерываемым рыданиями. – Когда я приготавливаю ужин, у меня сердце разрывается, и я спрашиваю себя: есть ли у бедняжки кусок хлеба насущного?.. Где она, Боже мой!.. Где она?.. Иногда я говорю себе, что в Париже, должно быть, очень холодно, так как это на севере от нас, и есть ли у нее вязанка дров, чтобы согреться?..

Сюльпис обнял мать, потом встал со своей скамьи.

– Послушайте, матушка, – сказал он, – мне давно уже приходит в голову мысль: я хочу отправиться в Париж... Я найду все же нашу Лукрецию, даже если бы Париж был так велик, как весь наш департамент.

Фермерша вздрогнула.

– Ах, несчастный! – сказала она. – Ты, верно, хочешь, что-

бы отец убил тебя! Ты, однако, знаешь, что стоит только заговорить о ней, чтобы он пришел в бешенство.

– Я это знаю, – отвечал Сюльпис, – но я боюсь не за себя, а за вас, матушка: когда он с вами вдвоем, он вас бьет.

– Ах, господи боже мой! – прошептала бедная женщина. – Пусть его гнев падает на меня, но пусть он пощадит тебя, дитя мое.

– Надо вам сказать, – продолжал Сюльпис, – что у меня есть мысль... О! Какая отличная мысль! Я поеду в Париж, а отец мой не будет знать ничего. Вы знаете, дядя Жан, ваш родной брат, сплавщик в Кламси...

При имени брата слезы мамыши Брюле удвоились.

– Бедный Жан! – сказала она тихо и как бы говоря сама с собой. – Это он допустил мое несчастье.

– Он это знает, – отвечал Сюльпис, – доказательством служит то, что он сказал мне однажды: «Если бы я знал, что твой отец груб и жесток, он никогда не женился бы на моей сестре». Но позвольте мне рассказать вам, матушка. На будущей неделе я поеду в Кламси продавать двух телят, увижусь с дядей Жаном и сообщу ему мою мысль. Вы увидите, что мы условимся во всем. Когда он повезет лес в Париж, он остановится в Мальи и вывихнет ногу, нарочно, разумеется, потом прикажет принести себя сюда на носилках и скажет мне: «Мой милый, тебе надо в Париж везти мой лес, а то я потеряю сотни и тысячи. Если ты поедешь, я заплачу тебе». Вы понимаете, матушка, что батюшка ни о чем не догадает-

ся, притом вы знаете, что он угодает дяде Жану ради наследства, стало быть, он сопротивляться не станет и отпустит меня... А так как в мое отсутствие дядюшка Жан останется здесь, то вы будете спокойны. Полноте, матушка, плакать! Хотя бы мне пришлось всю жизнь ходить босиком, я отыщу нашу милую Лукрецию.

– Если только она жива... – прошептала бедная мать.

Сюльпис содрогнулся.

– Уж, разумеется, жива, – сказал он, – разве люди умирают ни с того ни с сего...

– Она, бедная, так страдала!

Фермерша Брюле продолжала плакать. Сюльпис взял ее за руку.

– Вы, однако, должны сказать мне правду, матушка, – продолжал он, – я ведь не знал, зачем она убежала...

Фермерша опять испугалась. Сюльпис подошел к двери и посмотрел на двор – он был пуст. Сюльпис воротился к матери.

– Нас никто не слушает, – сказал он, – и если только вы не имеете ко мне недоверия...

– Недоверия! – вскричала фермерша Брюле. – Недоверия к тебе, мое бедное дитя! Ах, боже мой!..

– Ну, когда так, матушка, – сказал Сюльпис, усадив мать у огня и сам сев возле нее, – тогда скажите мне, как это случилось.

Мамаша Брюле испуганно осмотрелась, потом сделала

усилие и решилась излить сыну тайну своего сердца, сжигавшую и мучившую ее так давно.

– Помнишь ли ты то время, – начала она, – когда мадемуазель Берто де Верньер в замке Рош учила девушек петь для праздника Тела Господня?

– Помню ли! Сестра каждое утро ходила в Рош, а мамзель де Верньер полюбила ее.

– С этого-то времени началось несчастье твоей сестры.

– Как это, матушка?

– Она влюбилась в графа Анри.

– Ах, боже мой!

– Разумеется, граф Анри и его сестра никогда этого не знали. Но дочь моя плакала день и ночь и сказала мне в один вечер: «Ах, матушка, я знаю, что я от этого умру!» Я осмелилась сказать об этом отцу. Сначала он рассердился, потом посадил Лукрецию к себе на колени и сказал: «Ты слишком глупа, что плачешь таким образом, малютка!» Она расплакалась еще пуще, а он прибавил: «Вместо того чтобы портить себе глаза, знаешь, что я сделал бы? Вырядился бы по последней моде, так, что глаз не отвести, смеялся бы, чтоб показать мои белые зубки, и так смотрел бы на этого дурака, графа Анри, что он потерял бы голову. Ему только двадцать лет – это прекрасный возраст... Видишь ли, – прибавил твой отец, – если бы я был такой хорошенький, как ты, то захотел бы, чтобы граф Анри был без ума от меня через неделю». «Но, – сказала Лукреция, которая все плакала, – к

чему это приведет? Граф Анри знатен и очень богат в сравнении с нами, захочет ли он на мне жениться?» «У меня есть двустольное ружье, – отвечал ей отец, – когда он тебя скомпрометирует, он должен будет жениться на тебе!..» Лукреция воскликнула с негодованием: «О! Это было бы гнусно! Никогда! Никогда!» С этой минуты она перестала ходить в замок Рош, но заметно изменилась: ее глаза были красны, лицо бледнело, она чахла... Иногда она убегала из фермы до рассвета и пряталась в густых зарослях у входа в лес в надежде видеть, как граф Анри пойдет на охоту, потом она возвращалась домой и, заливаясь слезами, говорила мне: «Я видела его». Отец твой пожимал плечами, говорил, что Лукреция глупа, что, если бы она захотела, она была бы владелицей замка Рош. Вдруг пошли слухи о женитьбе графа Анри на мадемуазель де Солэй. Я думала, что моя бедная дочь умрет. Она три дня и три ночи была между жизнью и смертью, потом Господь и молодость помогли ей. Она встала с постели и уж не плакала, но глаза ее меня пугали: в них точно горел огонь. Она не говорила, не целовала меня... О женитьбе графа Анри на мадемуазель де Солэй все толковали...

Мамаша Брюле дошла до этого места в своем рассказе, когда на дворе вдруг слышались шаги. Сюльпис побежал к порогу и приметил молодых людей, то есть графа Анри и капитана Бернье. Фермерша Брюле подавила крик отчаяния. Человек, шедший к ней, был невинной причиной горя ее до-

чери. Граф Анри, не подозревавший, что три года назад он внес несчастье в этот дом, вошел, улыбаясь.

– Здравствуйте, мадам Брюле, – сказал он. – Как мы давно не виделись! Как вы поживаете?

– Благодарю за честь, ваше сиятельство... А как здоровье вашей сестрицы? – спросила фермерша, отирая глаза передником.

– Господи боже мой! Вы точно будто плакали, мадам Брюле...

– Не от горя, – отвечала она, – ваше сиятельство, поверьте, я резала лук.

Анри без церемоний сел у огня и движением руки пригласил своего друга капитана сделать то же.

– Знаете, зачем мы пришли, мадам Брюле? – сказал Анри.

– Может быть, вы пришли от дурной погоды? Ветер так и режет лицо...

– Нет. Мы пришли за нашей собственностью. Где ваш муж?

– С утра уехал на рынок в Мальи, ваше сиятельство?

– Вы это знаете наверняка?

– Как же! Он поехал продавать пшеницу...

– И взял с собою мула, – сказал Сюльпис.

– И вы говорите, что он еще не вернулся?

– Нет еще, ваше сиятельство.

– Как это странно! – сказал Анри, посмотрев на капитана.

Честные лица матери и сына не допускали мысли об об-

мане.

– Однако прошло уже два часа с тех пор, как он проходил через Фуроннский лес, – заметил граф.

– Это очень меня удивляет, – отвечала мадам Брюле, – возможно, он зашел к соседу на ферму Монетье. У вас разве есть к нему дело, ваше сиятельство?

– Да. Я стрелял волка и думал, что не попал, но волк пал мертвый в ста шагах в чаще. Ваш муж проходил мимо и погрузил волка на своего мула.

– Он вам пришлет, если так, завтра утром в дом... Согрейтесь и отдохните... Идти, должно быть, неприятно в такую погоду...

Сюльпис подошел к порогу и смотрел на серое небо.

– Через полчаса, – сказал он, – пойдет сильный снег...

– Ты думаешь?

– Ну, если пойдет снег, – продолжала мамаша Брюле, – ночуйте здесь... Мы сделали две прекрасные комнаты в том строении, где хранится пшеница... Там генерал ночевал несколько раз, там опрятно и постели хорошие. Ого, как уже поздно, – всплеснула руками фермерша, – почти что семь часов... Вы, должно быть, голодны, ваше сиятельство.

– Сказать по правде, мне очень хотелось бы поужинать с вами, – отвечал граф.

Он переглянулся с капитаном, который знаком головы изъявил согласие. По странности человеческого сердца, часто встречающейся, матушка Брюле, которая должна была

ненавидеть этого человека за невольную причину несчастья ее дочери, напротив, чувствовала к нему влечение. Она его любила, потому что его любила ее дочь.

– Ах, ваше сиятельство! – сказала она радостно. – Вы нам делаете большую честь. Я сейчас ошпилю для вас утку, мы насадим ее на вертел, и она мигом изжарится!

– Эй! Сюльпис! Лентяй! – закричал повелительный голос, и в то же время послышался топот копыт на мощеном дворе.

– Я здесь, батюшка, – отвечал Сюльпис и бросился из кухни.

IV

Через пять минут вошел Брюле. Это был человек лет сорока восьми или пятидесяти, не более, хотя волосы его и борода были уже совершенно седыми. У него было простое, открытое лицо, на толстых губах играла улыбка. Среднего роста, скорее худощавый, чем полный, он имел гибкую шею, широкие плечи и казался силен. Этот человек, если верить страху его жены и старшего сына, был домашним тираном и самовластно распоряжался всеми, однако имел как бы в оправдание мнения графа Анри добрейшую наружность.

— Ах, ваше сиятельство! — сказал он, прямо подходя к графу Анри. — Вы не обидели меня, я надеюсь, предположением, что я хотел украсть вашего волка? Женщина, подбиравшая сухие ветки, сказала мне, что вы убили этого волка. Я взвалил его на моего мула и, если бы не стемнело, прислал бы его вам сегодня же, но мне надо было расплатиться с фермером Монетье, и вот почему я запоздал. Завтра на рассвете волк был бы у вас... Славный зверь! Отличный выйдет у вас ковер, только посмотрите!

Сюльпис вошел в эту минуту, неся тушу хищника на плечах. Это был очень большой волк, с черной и рыжей шерстью, с серыми ушами и хвостом.

— Какой славный зверь! — сказал граф, когда Сюльпис положил волка на пол.

– И не испорчен, – сказал фермер, – ваша пуля вошла в плечо, шкура цела. Теперь зима – время, когда шкуры особо хороши...

Пока Брюле говорил, капитан внимательно его рассматривал. «Странно, – думал он, – у этого человека совсем не злодейская физиономия».

Граф Анри улыбнулся.

– Знаете ли, Брюле, – сказал он, – что ваш сын не одних мыслей с вами насчет чужой собственности. Он уверял сейчас, что на вашем месте он не отдал бы волка.

Брюле пожал плечами.

– Так вы встретили этого разбойника? – спросил он печально.

– Полчаса назад; он указал нам дорогу на ферму, а на рубеже леса он вдруг оставил нас и имел бесстыдство сказать, что идет ставить капканы.

– Негодяй! Ах, ваше сиятельство, – со вздохом прибавил Брюле, – этот ребенок приводит в отчаяние мать и отца.

– Отчего же? – спросил насмешливый голос с порога кухни.

Все обернулись и увидели Зайца, который вошел с палкой на плече. На конце этой палки висели кролики.

– А! Негодяй! – закричал Брюле. – Ты опять скажешь, что ты не браконьерствуешь?

Он вырвал у него палку, бросил кроликов на землю и раза два ударил его палкой по плечу.

– Вот тебе, злое отродье! – сказал он. – Вот тебе, негодяй!

Мальчишка застонал от боли, однако дерзости у него не поубавилось.

– Какое несчастье, – процедил он сквозь зубы, – иметь таких глупых родителей!

Он выбежал из комнаты, опять напевая свою песенку: «Жандармский капитан...»

– Мои добрые господа, – прошептал Брюле взволнованным голосом, – давно уже я спрашивал себя: нет ли какого средства исправить этого ребенка, который в конце концов плохо кончит. Я и бил его, и уговаривал – ничто не помогает. Он слишком испорчен.

– Отдайте его в исправительный дом, может быть, он там изменится.

Фермерша разостлала белую скатерть на конце стола, поставила фаянсовые тарелки и положила серебряные ложки, которые вынула из шкафа, потом она пошла за уткой в ту самую минуту, как воротились домой работники, пастухи и Заяц. Птичий двор находился на конце огорода, окруженного живою изгородью, имевшей в нескольких местах проломы. Работники фермы, не стесняясь, проходили сквозь изгородь для кратчайшего обхода, и мало-помалу образовались такие проломы, в которые человек мог свободно пройти. Мадам Брюле, взявшая фонарь, прошла через огород в курятник, выбрала самую жирную утку и унесла ее, несмотря на возмущенные вопли птицы.

Вдруг фермерша остановилась с беспокойством – ей слышалось, что кто-то идет позади. Она обернулась, и вдруг фонарь выпал у нее из рук, но она не вскрикнула, не сделала ни малейшего движения. Мадам Брюле стояла, точно окаменевшая, с пересохшим горлом, с неподвижными глазами, как будто какое-нибудь странное видение явилось перед нею.

Фермерша стояла лицом к лицу с нищей. Бедная девушка, худая и бледная, шла босиком и в лохмотьях... Она сделала еще два шага, шатаясь, и, как бы разбитая непреодолимым волнением, потом стала на колени и прошептала одно только слово:

– Матушка!..

Мадам Брюле вскрикнула от радости, испуга и ужаса и, схватив дочь обеими руками, стала обнимать ее так, как будто боялась, чтоб Лукрецию опять не отняли у нее.

– Теперь ты не уйдешь, – сказала она глухим голосом.

Она забыла от радости всех на свете, забыла даже того страшного человека, который обещал убить ее дочь, если она воротится. Она обняла девушку, поцеловала в лоб и глаза и залилась слезами.

– Ах, матушка, – шептала Лукреция, рыдая, – простите ли вы меня? Знаете ли вы, что я пришла из Парижа пешком и просила милостыню... Когда я почувствовала, что скоро умру, я захотела увидеть вас...

– Умрешь? Умрешь?! – вскричала бедная мать. – Господь этого не допустит... Умрешь! Умрешь! – повторяла она как

бы в бреду. Она обняла дочь и повела ее на ферму, но на дворе она остановилась с испугом. Конечно, в эту минуту она не боялась гнева своего мужа, она защитила бы свою дочь и прикрыла бы ее своим телом, – нет, она думала о другом: граф Анри был тут! Граф Анри был причиною несчастья ее дочери, вид его, может быть, убьет ее...

Господь дает мужество и героическое вдохновение матерям. Фермерша увела дочь к тому строению, где Брюле сделал две новые комнаты. Возле этих комнат была другая, где спал Заяц, в эту-то комнату мать отвела свою дочь и положила ее на кровать, говоря:

– Я должна приготовить отца к твоему возвращению... Это может его убить.

Лукреция Брюле, бедная нищая, была послушна, как ребенок. Она проливала безмолвные слезы, смотря на мать и покрывая ее поцелуями. Мать поцеловала ее в последний раз, а потом убежала, крикнув на ходу:

– Я пришлю к тебе Сюльписа.

Она сошла на двор, едва дыша, ее бедное сердце сильно билось в груди; она дошла до двери кухни, крича:

– Сюльпис! Сюльпис! Я погасила фонарь, поди ко мне!

Когда Сюльпис вышел, мать бросилась к нему на шею и сказала замирающим голосом:

– Поддержи меня, у меня нет больше сил. Она здесь... Моя дочь... Наша Лукреция, она воротилась... Не кричи! Отец услышит...

Добрый Сюльпис чуть не грохнулся наземь, но мать возвратила ему силы и присутствие духа, сказав:

– Я ее спрятала в комнате Зайца, беги туда, разведи огонь: она озябла... Бедная малютка! Она бледна, как смерть... Не вздумай говорить ей о графе Анри – это убьет ее!

Сюльпис убежал. Фермерша, которой опасность, угрожавшая дочери, возвратила беспримерную энергию, имела мужество воротиться в огород, поднять фонарь и взять из курятника другую утку, потому что первая убежала.

Она имела столько самообладания, что воротилась в кухню спокойной и с сухими глазами. Во время ее отсутствия сели за стол. Служанка разливала суп. Фермерша налила бульон в деревянную чашку и унесла ее.

– Куда ты идешь, жена? – спросил Брюле.

– Я несу это бедной женщине, которая сейчас прошла мимо; она очень озябла, проголодалась и попросила позволения согреться в хлеву.

Брюле хотелось оправдать свою репутацию добрейшего человека на свете.

– Ты права, жена, – сказал он добродушно, – надо всегда делать добро, когда можешь. Приведи сюда эту бедную женщину, пусть греется у огня.

– Она не хочет, – отвечала фермерша, – она стыдится.

Когда она ушла, Брюле взглянул на своих гостей.

– Однако в теперешнее время, когда столько поджогов, опасно пускать к себе бродяг. На прошлой неделе за два лье

отсюда сгорела ферма, а накануне там ночевала нищая.

– Неужели справедливы все эти истории о пожарах? – спросил капитан.

– Увы! Да.

– И это точно, что поджигают с умыслом?

– Всегда... Мы все боимся, потому что если сегодня очередь одних, то завтра придет очередь других.

– Кого же подозревают? – спросил капитан.

– Неизвестно... У каждого свое. Одни уверяют, что тут замешана политика; другие говорят, что поджигают разбойники. Кто может это знать? Ах! Я, к несчастью, человек ничтожный, но на месте правительственных людей я захотел бы все разузнать.

– Говорят, – сказал один работник, – что есть такие люди, которым ежегодно платят.

– Ах, да! Страховые общества – это известно, но меня на это не заманишь.

– Как! – сказал капитан, продолжавший смотреть на Брюле. – Ваша ферма не застрахована?

– Нет.

– Ни ваш скот, ни ваш хлеб?

– Ничего.

– Напрасно! Вам надо застраховать. Если у вас случится пожар, вам заплатят.

– А как хорошо смотреть на пожар! – сказал вдруг Заяц. – Я видел, как горела Френгальская ферма, точно будто канун

Иванова дня.

Глаза Зайца сверкнули. Капитан внимательно на него посмотрел.

V

Воротимся на час назад и последуем за Зайцем, который проскользнул в Лисью нору. Он прополз шагов двадцать, когда красный свет бросился ему в лицо. Нора расширилась, увеличилась, и Заяц очутился у грота футов в восемь величины и в три вышины. Посередине стоял фонарь, около которого сидели три человека с лицами, вымазанными сажей, так что их нельзя было узнать. Они были одеты, как крестьяне: в синих камзолах, в шапках из лисьей или козьей шкуры и в саржевых панталонах. Возле каждого на земле лежало ружье. Незадолго до неожиданного прибытия Зайца тот, кто казался начальником, говорил:

– Не надо ничего делать некоторое времени. Нас ищут.

– Разве вы боитесь, Головня? – спросил второй.

– Боюсь? О, нет! Нам платят так хорошо, не считая барышей от поджогов, что нам не следует пренебрегать этим делом, но надо быть осторожными – это главное... Я знаю, что я пользуюсь хорошей репутацией и что меня подозревать не станут, но все-таки довольно одной минуты – и нас гильотинируют.

– Слава богу, еще до этого не дошло!

– Я имею новые инструкции: мне приказано щадить старых дворян.

– О! – сказал третий, молчавший до сих пор. – Мы испол-

няли дело добросовестно: до сих пор жгли только мещан да выскочек.

– Вот они-то заметили, – сказал Головня, – и воображают, что поджигают роялисты, чтоб Франция возненавидела республиканское правление.

– А! Это говорят? – сказал второй.

– Да, Охалка, – отвечал Головня.

– Стало быть, теперь надо поджигать дворян, – сказал третий, которого звали Ветер.

– Не всех, а некоторых.

– Кого же здесь поджигать?

– Я выбрал.

– А!

– Мы сожжем замок Рош.

– Замок графа Анри?

– Почему бы и нет? Во-первых, я на него сердит, – сказал Головня тоном, не допускавшим возражения.

– А потом?

– Потом, – холодно сказал начальник, – мы подожжем Солэй, это замок хороший... Он вспыхнет, как хворост...

В эту минуту послышался крик Зайца. Головня вскочил и схватил ружье. Товарищи последовали его примеру.

– Это Заяц, – сказал Головня, – зачем он пришел? Верно, случилось что-нибудь новое.

Головня ответил на крик Зайца. Через пять минут мальчишка уже был среди поджигателей. У Зайца была расстро-

енная физиономия, а руки и ноги в крови.

– Кажется, нас хотят подловить, – сказал он.

– Ты откуда? – спросил Головня.

– О! Это целая история.

– Говори скорее!

– Вот в чем дело: я шел по лесу и встретился с Жакомэ.

– О, разбойник! – прошептал Головня. – Я ему не доверяю после френгальского дела... Я побожусь, что он меня узнал... Встретись он мне в лесу в тридцати шагах, я с ним вмиг расправлюсь. Продолжай!

– Жакомэ шел с графом Анри и с офицером... – рассказывал мальчуган.

– Куда они шли?

– В Раводьер. Граф Анри хочет волка...

– Ну, отдадут, велика важность?

– В Оксерре дают пятнадцать франков...

Головня пожал плечами.

– Далее? Далее? – сказал он с нетерпением.

– Жакомэ предложил мне проводить этих господ в Раводьер. Мне обещали тридцать су, я согласился. Жакомэ ушел... Но офицер – он, кажется, капитан – мне не понравился. Я заставил его разговариваться. На краю леса я сказал: «Дорога прямая, вот ферма». Я вошел в чашу, лег наземь и слышал их разговор...

– О чем же они говорили?..

– Капитан сказал: «Я преследую не браконьеров, а поджи-

гателей...»

Головня вскрикнул:

– Ах, каналья! Я знаю, кто это...

– Вы его знаете?

– Нет, но меня предупредили.

Оба товарища и Заяц с любопытством посмотрели на начальника.

– Теперь уж не надо делать глупостей, надо действовать осторожно, – сказал Головня. – Меня не обманули, сказав, что сюда прислан офицер, который уполномочен на все, даже сменить префекта. И ты говоришь, что он шел с графом Анри?

– Да.

– Теперь я понимаю, – сказал Головня с ироническим видом, – почему замышляют сжечь замок Рош.

– Почему? – наивно спросил Заяц.

– Потому, дурак, что у графа Анри живет офицер... – ответил Головня.

– Позвольте, – сказал Охалка, – меня одно подмывает...

– Что такое?

– Для кого мы трудимся?

– Для нас самих.

– То есть мы пользуемся пожаром для грабежа.

– Стало быть, ты видишь, – заметил Головня, приняв наивный вид, – что мы трудимся для себя.

– Да, но нам платят...

– Стало быть, это не для одних нас, – заметил Ветер, в свою очередь.

– Ну, мы трудимся для тех, кто нам платит.

– Вот именно это-то я и хочу знать.

– Ты хочешь знать, кто нам платит?

– Да.

– Я начну тем, что замечу тебе, мой милый, – сказал Головня, – что, когда я завербовал тебя, ни ты, ни твой товарищ не расспрашивали ни о чем.

– Да, но теперь я хочу знать.

– Для чего?

– Потому что мне невесело рисковать головой каждый день.

– А когда ты узнаешь, для кого ты рискуешь, разве опасность сделается меньше?

– Нет, но...

Головня бросил на него злой взгляд.

– Если ты не хочешь работать с нами, ты можешь отступить.

– Я этого не говорил.

– Только ты должен помнить о Бертроне, нашем товарище, который ушел в одно утро по лесу продать нас в Оксерре...

– Ну?

– Он не дошел до Оксерра, он был остановлен... пулей..

– О! – сказал Охепка, вдруг смягчившись. – У вас дурной характер, Головня. Я не хочу бросать товарищей, я только

хочу знать, кто нам платит.

– Люди, живущие в Париже.

– Кто такие?

– Сказать по правде, я сам их не знаю.

Эти слова вызвали удивленное восклицание у товарищей Головни.

– Право, я их не знаю... Вот уже целый год я тружусь для них, а видел только одного...

– Однако вы видели его?

– И да, и нет.

– Это странно! – сказал Заяц.

– У него на лице был красный капюшон, и я видел только его глаза, сверкавшие, как уголья.

– Это он дает вам приказания?

– Да.

– Каждую неделю?

– Почти.

– И у него всегда голова покрыта капюшоном?

– В те дни, когда я его вижу, потому что я не всегда вижу его.

– Как это?

– Бывают недели, когда я получаю от него инструкции письменно.

– Кто вам их приносит?

– О, будьте спокойны, – сказал Головня, смеясь, – не почтальон.

– А кто же?

– У начальника и у меня есть ящик, и каждый из нас ходит туда, в свою очередь.

– Какой же это ящик?

– Это дупло в дубе в лесу. Я пишу донесения и кладу их в дупло. На другой день прихожу – моего донесения уже там нет, а лежат новые инструкции. Вчера я нашел приказание сжечь замок Рош.

– Когда?

– Вот этого я пока не знаю, но скоро узнаю. Я собрал вас сегодня для того, чтоб предупредить, чтоб вы были готовы.

– Хорошо, – сказал Ветер, – тем охотнее будем мы готовы, что в замке Рош должна быть добыча.

– Ты думаешь? – спросил Головня.

– Серебряная посуда, белье, деньги...

– Однако граф Анри небогат.

– О! – отвечал Охепка. – Это для того, чтоб спасти свою голову, он распустил слухи три года назад, что он разорен.

– Увидим!

Когда Головня произнес это последнее слово, поджигатели и он сам поспешно вскочили и схватили свои ружья. Понесся крик совы.

– Мы, однако, не ждем никого! – вскричал Ветер.

– Нас отыскивали жандармы! – воскликнул Охепка.

Но крик совы продолжался и изменялся каким-то особенным образом.

– Это начальник! – сказал Головня, лицо которого, на минуту нахмурившееся, прояснилось.

– Начальник?

– Да, тот, кто отдает мне приказания. Оставайтесь здесь, никто не должен трогаться с места до моего возвращения... Оставайся здесь, Заяц.

Взяв свое ружье, Головня бросился из Норы. В трех шагах от отверстия неподвижно стоял человек.

– Это вы, начальник? – спросил Головня.

Человек сделал утвердительный знак. Головня приблизился. Человек был закутан в большой плащ и имел на голове шляпу с широкими полями, а под шляпой красный капюшон, о котором говорил Головня. Он взял Головню за руку и увел его в чащу леса.

– Твои люди здесь? – спросил он.

– Здесь. Вы пришли назначить мне время?

– Да.

– Когда же?

– Нынешней ночью.

– Отсюда далеко до замка Рош?

– Ты не Рош будешь жечь.

– Какую же ферму, какой замок, какой дом осудили вы?

– Ты это узнаешь ночью...

– Но где?

– Назначь твоим людям сойтись в лесу около твоей фермы.

– В котором часу?

– В десять вечера.

– А потом?

– Жди меня...

– Как... Вы придете сами?

– Сам, и это никому не покажется странным, даже тебе.

– О! Это странно! – прошептал Головня. – Мне кажется, что я вас знаю...

Незнакомец засмеялся под своим капюшоном.

– Я слышал этот голос... где-то. Только, проходя сквозь маску, которая у вас на лице, он, вероятно, теряет свой обыкновенный звук.

– Может быть.

– Я теперь, как мои товарищи, очень желал бы знать, кто мне платит.

– Остерегайся!

– Правда ли, что, поджигая, ты рискуешь своей головой, но только головой...

– Чем же более могу я рисковать?

– Жизнью всех близких людей.

Головня задрожал.

– Потому что, если ты мне изменишь...

– О, этого опасаться нечего!

– Так ты хочешь знать, кто я?

– Мне кажется, что, когда я узнаю, кто вы, я буду лучше вам служить.

– Ну, пусть твое пожелание исполнится, – сказал незнакомец.

Он поднял свой капюшон. Луна сияла сквозь деревья, один из ее лучей освещал лицо, открытое незнакомцем. Головня отступил с изумлением, дико вытаращив глаза.

– Вы! Вы!.. – сказал он задыхающимся голосом.

– Я! – холодно отвечал незнакомец.

Он опустил свой капюшон и прибавил:

– Ну вот, а теперь слушай внимательно, что нужно делать.

VI

Воротимся на ферму, где Брюле разговаривал очень спокойно с графом де Верньером и с капитаном Бернье. Мамаша Брюле вернулась и села у огня. Сюльпис вышел.

– Куда ты идешь? – спросил его удивленный отец.

Сюльпис не растерялся.

– Прошлой ночью, – отвечал он, – корова ушла из хлева, я пойду посмотреть, спокойно ли она стоит сегодня.

Работники, пастухи, пахари вошли один за другим и сели за стол. Анри, капитан и Брюле расположились на верхнем ярусе. Служанка, которая обыкновенно пекла хлеб и стирала белье, сейчас поворачивала вертел. Брюле пил небольшими глотками, ел медленно и разговаривал, как человек здраво-мыслящий.

– Видите ли, мои добрые господа, – сказал он, – напрасно говорят, что политический переворот во Франции сделал людей завистливыми, это пустяки. Люди должны быть и богатые, и бедные, дворяне и крестьяне.

Анри улыбнулся и не отвечал. Брюле продолжал:

– Что сказали бы вы, меcье Анри, если бы вам пришлось идти за плугом или косить на лугу?

– Очень может быть, что ты говоришь правду.

– Итак, – продолжал фермер со строгой логикой, – поскольку мы люди здравомыслящие по большей части, то мы

не приняли этого политического переворота.

– В самом деле? – иронически спросил капитан Виктор Бернье.

– Да, – сказал Брюле.

– Однако...

– О! Я знаю, вы хотите сказать, что в Оксерре гильотинировали.

– Как и везде.

– Но мы далеко от Оксерра, хотя если через лес, то всего шесть лье.

– Неужели?

– Видите ли, господин офицер, – продолжал Брюле, – в нашем краю все честные люди, у нас только один недостаток – мы браконьеры.

– Вы сознаетесь?

– Ба! – наивно сказал Брюле. – При короле нам не нравилось только то, что мы не могли убить зайца, козленка или кабана, не подвергаясь опасности попасть в тюрьму. Когда дворяне-то бежали, крестьяне, не стесняясь, начали истреблять дичь. Дворяне уехали сами, им не делали вреда.

– Кто знает? – сказал капитан.

– Посмотрите-ка на месье Анри: он оставался здесь все время и никто не думал на него доносить.

– Это правда, – сказал Анри, – я должен признаться, что здешние жители не высказали большого энтузиазма к революции.

– Знаете, – продолжал Брюле, – мы сожалеем только об одном.

– О чем? – спросил капитан.

– О том, что месье Анри не женился на своей кузине, мадемуазель Элен.

– Молчи! – резко сказал Анри.

Он провел рукою по лбу как бы затем, чтобы прогнать мучительное состояние.

Сюльпис воротился, пока разговаривали. Работники, отужинав, вставали один за другим, прощались со своим хозяином и шли спать.

– Ступайте, дети, – сказал им Брюле родительским тоном, – ступайте отдыхать, а завтра рано принимайтесь за работу: мы положим пшеницу в риге, снег мешает идти в поле. Как там корова? – спросил он Сюльписа, видя, что тот воротился и сел за стол.

– Не трогалась с места, – отвечал Сюльпис, несколько взволнованный.

Мамаше Брюле не сиделось на месте. Ела она мало. А так как фермер все еще оставался за столом, она сказала ему:

– Хозяин, я пойду приготовлю комнаты этим господам.

– А! Так мы решительно ночуем здесь? – спросил капитан.

Анри открыл дверь и выглянул за порог.

– Придется, – отвечал он, – вот и опять пошел снег. Мы уйдем завтра.

– Твоя сестра тревожиться не станет?

– Нисколько. Она привыкла к подобным отсутствиям.

В том здании, куда фермерша пошла готовить постели, было две комнаты. Они всегда отводились новому владельцу, когда он приезжал осматривать свою ферму, как раньше их отдавали прежнему, то есть маркизу де Верньеру, дяде графа Анри, который был убит в армии Конде.

Мамаша Брюле вышла, взяв простыни из комода и попросив Сюльписа взять фонарь и осветить ей. Проходя через двор, фермерша наклонилась к уху своего сына и сказала:

– Я чуть жива, когда подумаю, что граф Анри будет здесь ночевать.

– Почему же, матушка? – наивно спросил Сюльпис.

– Потому что Лукреция его увидит или услышит.

Добрый Сюльпис покачал головой.

– Мне сдается, что бедная сестра уже не думает о графе Анри.

– Ты полагаешь?

– Я полагаю, что у нее много других несчастий после этого...

– Мы утешим ее, как умеем... Все проходит наконец.

Когда они дошли до маленькой лестницы, которая вела в три отдельные комнаты, фермерша прибавила:

– Только бы отец твой не вздумал проводить этих господ...

– Что же за беда?

– И войти в комнату, где Лукреция.

Сюльпис замер.

– Боюсь, как бы он ее не убил! – прошептал юноша.

– Нет, нет! – с твердостью возразила мадам Брюле. – Он прежде должен убить меня, не бойся...

Они тихо вошли в комнату, где оставили Лукрецию. Бедная нищая, закутавшись в одеяло, начала согреваться. Она взглянула на мать и брата с кроткой и печальной улыбкой.

– Ах, – сказала она, – как здесь хорошо!

Мать взяла ее голову обеими руками и покрывала поцелуями.

– Мое бедное дитя! – сказала она. – Ты должна остерегаться гнева твоего отца.

– О, да! – вздрогнув, отвечала Лукреция.

– Я его przygotowую. Но сегодня он несколько разгорячен, – сказал Сюльпис.

Девушка опять вздрогнула.

– Да, – поспешно сказала матушка Брюле, – он ужинал с гостями.

– На ферме гости?

– Офицеры, охотники.

– А граф Анри с ними?

При этом вопросе фермерша побледнела, как мертвец, но Лукреция начала улыбаться.

– Не бойтесь, – сказала она, – я воротилась не для него. Слава Богу, я страдаю не от этого.

Мадам Брюле вскрикнула от радости.

– Тем лучше, – сказала она, – если ты страдаешь от чего-нибудь другого; мы так усердно будем молиться Богу, что Он вылечит тебя.

– Бедная матушка! – отвечала Лукреция.

– Согрелась ли ты, дитя мое? – спросила фермерша.

– Согрелась, матушка.

– Ты поела?

– Да, я уже не голодна, но сейчас мне хочется заснуть, я так устала!

– Поспи, дорогое дитя, и какой шум ни услышишь, не выходи; я так боюсь гнева твоего отца!

Сюльпис и фермерша плотнее закутали Лукрецию одеялом, нежно поцеловали и вышли.

– Что скажет Заяц, когда придет спать, – заметила фермерша, – ведь мы в его комнату положили Лукрецию?

– Не бойтесь, матушка, – отвечал Сюльпис, – Заяц никогда не ночует на ферме, он до утра расставляет капканы. Когда он воротится, я уже встану и не пущу его сюда.

– Он сразу выдаст сестру. Этот ребенок такой злой!

– Да, но у меня кулаки крепки – не бойтесь!

Фермерша и Сюльпис наскоро приготовили две комнаты. В первой развели огонь и приготовили постель для капитана; вторая, где не было камина, была приготовлена для графа. Мамаша Брюле объяснила этот выбор Сюльпису.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.